В АВСТРИИ У НАС МНОГО ХОРОШИХ, ВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ

ВЧЕРА во второй половине дня Никита Сергеевич Хрущев вернулся в Москву.

Тем самым завершен визит главы Советского правительства в нейтральную страну Европы — Австрию. Исхода этого визита с нетерпением ожидали и друзья, и противники Советского Союза.

После скандального провала визита президента генерала Эйзенхауэра в Японию вашингтонские горе-дипломаты в утешение придумали, в числе прочих, такую «теорию»: они-де убеждены, как сообнило одно американское агентство. что «метоты личной инпломатии в которым прибегали в последнее время Хрушев и Эйзенхауар, те-

перь на лодгое время исключаются», а заменит их «толна», коточется встречаться с главами других госу-С «теорией» этой

можно было бы согласиться, но с одной оговоркой: она лействительна лишь иля Эйзенхауара.

Визит Н. С. Хрущева, успешно закончившийся вчера подписанием совместного Советско-Австрийского коммюнике, стал одним из важнейших политических событий последнего времени. После срыва совещания в верхах и отказа социалистических стран от участия в Комитете десяти государств по разоружению западная пропаганда утверждала, будто Советский Союз противится на деле и разоружению и ослаблению междунарозной напряженности. Пребывание главы Советского правительства в Австрии показало, что империалисты потерпели явное фиаско.

Н. С. Хрущев и представители Австрийской Республики выразили в коммюнике удовлетворение по поводу успеха визита Председателя Совета Министров СССР в Австрию, «который является важным вкладом в дело мира и дальнейшего развития советско-австрийских отношений, укрепляет дружественные связи между советским и австрийским народами». II это, несмотря на все усилия тех, кто пытался помещать успеху! В ход было пущено все — начиная от дипломатических намеков и кончая прямыми угрозами в адрес австрийского правительства.

Противникам разрядки международной атмосферы особенно не правится то место в коммюнике, где говорится, что «между обоими государствами не существует нерешенных политических проблем». Не может быть, чтобы таковых не существовало! — твердят эти люди.

Но советским людям и людям Австрин ясно: нет и не может быть меж- главных вопросов современности — во-ду ними разногласий, раз отношения просов борьбы за мир и мирное сосущестдвух стран развиваются на базе взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга. Вот почему с таким одобрением были встречены в Австрии слова Н. С. Хрущева о том, «что каждый честный австриец с возмущением и гневом отметает происки тех. кто хочет омрачить добрые отношения между нашими народами». Эти отношения были закреплены, когда Советская Армия пришла в Австрию как армияосвободительница, когда СССР помог восстановить целостность и независимость австрийского государства, когда благодаря Советскому Союзу был заключен Государственный договою с Австрией.

С тех пор Австрия провозгласила постоянный нейтралитет основой своей политики. Этот нейтралитет, подчеркивает в Австрийскую Республику. -ижогод бойоз торгатогоди» очиними тельный вклал в лело ослабления международной напряженности». Тому, кто за напряженность, конечно, и нейтралитет Австрии не с руки. Не случайно еще в начале визита делийский журнал «Индиа» подметил: «Охватившее западногерманскую печать паническое настроение в связи с перспективами того, что Австрия будет стремигься проводить политику неучастия в блоках, убслительно показывает, как Запад относится к малым странам». Ныне мы имеем еще более разительные токазательства нажима на Австрию с целью заставить ее отказаться от политики нейтралигета. Правительство Западной Германии сделало «представление» Австрии: почему, мол. австрийское правительство не протестует против «диких взглядов», высказанных Хрущевым? Почему оно не выступает «решительно» в защиту западногерманских милитаристов? От Аденауэра не отстает и Эйзенхауэр: государственный департамент, оказывается, тоже послал Австрии ноту, в которой требует, чтобы она «отмежевалась» от дружелюбных слов советского гостя

А что именно возмутило этих, как они себя именуют, «друзей Австрии»? Их разозлили высказывания Хрущева... в защяту австрийского нейтралитета. Они вне себя после слов Никиты Сергсевича: «Мы высоко ценим нейтралитет Австрии и не будем стоять в стороне, если этот нейтралитет будет кем-либо нарушаться». Тут и слепой разберется, где собака зарыта. Предоставить Западу право обращаться с малой страной по своему усмотрению — вот на что они хотели бы нелучить согласие Советского Союза. Но. верный своим обязательствам, Советский Союз не собирается отказываться от принятой им на себя ответственности за обеспечение нейтралитета Австрии.

Американская и западногерманская пропаганда называет высказывания Хрущева «угрозой нейтралитету» Австрии. Угроза над нейтралитетом Австрии действительно нависла, только не с той стороны. Она существует к югу от австрийской границы, в Италии, где национальная территория отдана в распоряжение американских гепералов с их ракетами и средствами массового уничтожения.

Угроза нависла и с севера. Это о северном соседе — Западной Германии говорил Никита Сергеевич в Зальцоурге: «Нельзя не видеть, что по соседству с вами реваниистские круги вновь приобретают силу и влияние. Кос-кто не отказался от планов создания «великой Германии» и не хочет мириться с существованием исзависимого австрийского государства». И в самом деле, чтобы убедиться в справедливости этих слов, достаточ-

ИТЕРАТУРНАЯ орган правления союза писателей ссер ГАЗЕТА

Год издания 32-я № 81 (4206)

зита. Н. С. Хрушев еще только собирался

на Внуковский аэродром, чтобы лететь в

Австрию, а английская газета «Дейли те-

леграф» уже подсказывала австрийскому

правительству, о чем нужно и о чем не

нужно писать в коммюнике: «Главная

цель Австрии будет состоять в том, что-

бы добиться сокращения или изменения

своих репарационных платежей России

без ответной политической уступки. Пра-

вительство... не согласится на культур-

ное соглашение». С такой же готовностью

давали советы и дипломаты. Как им не

хотелось укрепления экономических и

культурных связей Австрии с СССР! Не

помогло. «Обе стороны, — говорится в

коммюнике, - согласились в том, что

распирение торговых связей между обо-

ими государствами отвечает интересам

обеих сторон... Стороны подтвердили

свое стремление к дальнейшему расшире-

нию культурного и научие-технического

обмена...» В коммюнике намечены кон-

кретные меры, которые помогут расши-

«Но, как известно, вопросы горговли

и экономических связей неотделимы от

главных вопросов современности - во-

вование между государствами ... » Это по-

ложение Н. С. Хрущев не раз подчерки-

вал в Австрии, когда заходила речь о во-

просах, интересующих обе стороны. И

обе страны «согласны с тем, что всеоб-

щее, полное и контролируемое разоруже-

ние является самой важной и неотложной

проблемой современности». - полчерки-

вает коммюнике. Разоружение нужно со-

ветским людям, строящим коммунизм.

Разоружение нужно австрийским трудя-

щимся, которых объединяет одна идея:

все они выступают за мир, все они нена-

может быть назван визит Н. С. Хрущева

Триумфальной поездкой мира по праву

рить торговлю между странами.

Суббота, 9 июля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ТРИУМФАЛЬНЫЙ но полистать иные газеты ФРГ, вроте «Зольдатенцейтунг»: анплюс, присоединение Гитлером Австрии, там рассматривается как слинственное достойное событие в австрийской истории. Нет, Советский Союз не собирается ссорить австрийский народ с его друзьями. Но есть друзья и «друзья». Тот, кто хочет родину Моцарта превратить в гигантское кладонще, - это не друг ни австрийскому, ни советскому народам. «Друзья Австрии» не оставляли ее своими совстами ни до, ни во время ви-

Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев отвечает на приветствия австрийцев. Фото В. Ношевого (Снимок принят по фототелеграфу)

Эти восемь дней

Вены будет, боюсь, очень крат-ной. Встречать всегда радост-нее, чем провожать. И писать о встрече тоже легче и радостнее, чем о расставании. На тех самых улицах, где восемь нии. На зад мы ждали нашего гости, сегодня опять шеренги людей: Вена, Австрия провожают Никиту Сергеевича Хрущева. Но не трудно заметить, что число венцев, стоящих вдоль улиц, увеличилось: многих новых друзей успел приобрести Никита Сергеевич Хрущев.

Восемь дней... Восемь дней напряженной работы для журналистов, кинооператоров, переводчиков, управляю. щих протоколом и, конечно, в первую очередь для самого Никиты Сергеевича. О его неутомимой энергии сегодня с уважением говорят все. Один корреспондент даже спросил Хрущева, откуда он черпает свою удивительную энергию. Хочется привести ответ Ни-киты Сергеевича: «Надо верить в жизнь и не поддаваться настроениям, Я верю, что дело коммунизма победит».

Эти восемь дней стали незабываемым событием для всех тех, кто имел счастье лично познакомиться с «рабочим-премьером», как часто называют у нас главу Советского правительства. Незабываемым для членов делегаций. приветствовавших советских гостей в больших и малых городах Австрии, для рабочих и инженеров, к которым Хрущев приходил на завод, для детей, преподносивших цветы и подарки,

И эти восемь дней стали горестными для газет, подобных «Экспресс», которая еще вчера, в чегверг, злорадно наменала, что-де переговоры по экономическим вопросам («как сообщают из верных источников») зашли, видимо. «в тупик», и вряд ли можно ожидать каких-либо положительных результатов. Газета не успела еще разойтись, как в пять часов вечера радно уже сообщало о том, что переговоры по хозяйственным вопросам (а политических разногласий между Австрией и СССР, как известно, нет) закончились, и за-кончились выгодно для австрийской стороны. Разочарование принесли эти восемь дней и для тех газет, которые ледали ставку на «прохладный» прием. Не помогли никакие ухищрения, и в

ливо пришлось признать, что приема. какой был оказан советской делегации, не видел еще в Австрии другой визитер. И речь идет не о том, в три или в четыре ряда стояли шпалеры приветствовавших, хотя и это показательно. Дело в теплой, приветливой атмосфере, в искренней любви.

За эти восемь дней автобус с совет ским премьером проехал по красивейшим местностям Австрии, взбирался на горы, переезжал Дунай и не один раз был вынужден пробираться сквозь живую толпу людей. Никиту Сергеевича встречали члены правительства и бургомистры, музыканты и горняки. Дни его были заполнены до отказа, время отмерено по минутам, и все же он всегда находил еще возможность вырваться из рамок протокола, пройтись по улицам.

Недавно мне попалось под руку следующее описание государственного визита в «добрые, старые времена» императорской Вены. Франц-Носиф ждал в гости кайзера Вильгельма. На Пратерштрассе и Ринге стояла молчаливая толпа. Но вот в бешеном темпе пронеслась мимо наглухо закрытая дворцовая карета. В окнах ее виднеются две пары белых перчаток — больше Толпа кричит: «Виват!» —

н расходится по домам. Мне вспоминлись это описание и эти белые перчатки, когда я увидела во вчеранней газете фотографию, которая с профессиональной точки зрения, может быть, и не совсем удалась: лица срезаны наполовину, видны в основном лишь руки, спина и профиль Хрущева, его рука и много рук, протянутых ему навстречу. Руки без перчаток. Одна как раз пробилась под локтем впереди стоящего и крепко, это видно на снимке, жмет руку Хрущеву. Чьи они были, эти руки — коммунистов или социалистов, рабочих или учителей, - неизвестно. Но главное, что они были. В них пожелание честных людей Австрии: «На добрую память! За крепкую дружбу!»

Элизабет МАРК, собственный корреспондент «Литературной газеты»

ВЕНА, В июля, (По телефону).

ПЛЕНУМУ цк кпсс

BPEMEHEM

А. БОРИН

В AC не удивило бы такое объ-явление: «Проектирую новый экскаватор. С главным инженером посоветовался. Ищу добровольцев-общественников: двух горняков, олного технолога, одного металлурга»? Признаюсь, этого объявления я ке читал. О нем рассказывал мне комсорг «Уралмаша» Сергей Воздвиженский.

Но прежде о людих, которых на другом уральском предприятии — «Уралвагонзаводе» — прозвали «победителями текучки».

Еще год назад можно было увидеть в нехах этого завода немало досадных литейном цехе рабочий кувалдой выбивал из формы стержии. Чтобы сдержать на весу землю, опоку «начиняли» неудобными проволочными крюками.

Так было гол назад. А сегодня? Иду по цеху. Мне объясняют: «Здесь когда-то рабочий с кувалдой стоял. А теперь, видите, действует вибратор». Дальше иду. «Раньше эти опоки «качинялись» неудобными крюнами. А теперь, глядите, вместо крюкон цепь. Она возни не требует». К новшествам, увиденным в литейном цехе, штатные заводские конст-

ложили. Все это творчество самих литейщиков, объединившихся в

общественные конструкторские бюро. ВІЦЕСТВЕННЫМИ конструкторами у литейщиков руководит Евгений Федорович Ефимцев. Шесть лет назад он окончил Политехнический институт. Назначение получил-сам признает - можно позавидовать. Технолог в цехе - прекрасная инженерная должность. Как бы терапевт возле машин. Ему положено знать про машину все, самые «интим-

ные» подробности. Казалось бы, Ефимцеву нечем было попреннуть свою судьбу. Но сегодня он вспоминает, как переживал еще недавно неполноту, односторонность инженерной работы. Ведь технолог Ефимцев, живущий близ машин, лучше многих других видел, в чем требует техника переделки. Ему, инженеру, хотелось засесть за ватман, прикинуть, подсчитать, пофантазировать. Но, загруженный повседневной «текучкой», технолог бежал каждый раз к конструктору, отдавая ему всю

сладость изобретательского поиска. Сегодня в общественном струпрованием занялись и Ефимцев, и механик Ушков технолог и энергетик Шарнин, и токарь Мельников. Здесь над техническими проблемами, поставленными жизнью цеха, размышляют сообща люди разной специалько-сти, разной квалификации. Пэменилось содержание таких устоявшихся, казалось бы, понятий, как «моя прямая

обязанность», «мой участок работы». Выходит, общественное КБ — эго, если хотите: маленький творческий союз творческая лаборатория.

II вот что примечательно: канедый связывает с этим КБ свои личные жизненные планы. Токарь Ваня Мельников, окончивший год назад десятилетку, не без оснований видит в нем дорожку в институт. А Михаил Шаркин, энергетик цеха, известный на заводе дока в вопросах автоматизации и механизации, элесь же, в общественном КБ, совершенствует свое высокое инженерное искусство.

Не случайно, конечно, с появлением общественных КБ утроились стопки формуляров в заводской технической библиотеке. Оборудовали общественные конструкторы литейного цеха кабинет. В нем свой технический впору проводить вузовские занятия.

Иван Васильевич Окунев, депутат член Президнума Верховного Совета республики, «хозяин Вагонки», имсющий за плечами двенадцатилетини директорский стаж, а начавший тут четверть века назад рядовым мастером, говорит мне:

Вы подальше, подальше глядите... По секрету вам скажу, специалисты заводских служб начинают побанваться этих ребят, которые льют сталь, а вечером садятся за чер-Раньше техническая служба скажет — работники цехов «руки по швам». Если критика свизу и была, то большей частью словесная, общая. Без инженерного проникновения в дело. А теперь послушайте, какой идет на собраниях специальный разговор. Мы общественников начали на Технический совет завода приглащать. Любо слушать!

Окунев грузно наклоняется ко мне строго, точно приказывая, как я должен понять новый почин, говории; - Имейте в виду, это не кампанейщина. Это отныне вечное дело.

В ЕЧНОЕ? Тут-то и хочется рассказать о гом удивительном объявлении, что вспомнил ком-«Уралмаша» Сергей Воздвиженский, об истории общественного КБ отдела главного конструктора буровогорнорудного оборудования «Уралмаша», на мой взгляд, весьма поучительной истории.
Мысль создать такое бюро среди

штатных конструкторов-профессионалов показалась очень заманчивой. Размечтались, расшумелись ребята: «Нас, молодых, подолгу на мелочевке держат. Детали рисуем. А эдесь, в общественном, мы себе сами хозяева. Хоть по уши влезу я в идею -

нет мне никакого запрету». Конструктор Миша Кауфман даже пригро-зил: «Мы вот, погодите, свой же отдел

вызовем на соревнование». Иные засмеллись смущенно: слишком ли? Но кто-то еще большего жару поддал: «Лет, этак, через ияток, когла общественное сознание разовьется, самые сложные агрегаты будем в общественном порядке проектировать.

Скажем, вывешу я в комптете комсомола объявление: «Проектирую новый экскаватор. С главным инженером посоветовался. Ищу добровольцев: двух горняков, одного технолога, одного металлурга».

Словом, идеи, самые манящие, самые запретные, до которых по служебной лесенке не сразу доберешься, казалось, под рукой лежат, только тебя и дожидаются.

Но скоро выяснилось, что великие планы насчет проектирования после работы сложных машин — чистое ребячество. После звонка человек способен посидеть над проектом часов, ну, пять-шесть в неделю. Это от силы. Стало быть, 24 часа в месяц. Разве подымень за такое время самостоятельную конструкторскую идею? Смешно и думать. А эксперименты, пробы

Умные люди посоветовали: а вы в цех идите. Рационализаторам на подмогу. С рационализаторами конструкторы сдружились. Окунуться в производство для молодых конструкторов оказа лось на редкость полезно. Просто необхолимо! Особенно увлеклись они проблемами механизации и автоматизации производства. Начали поговаривать: похолом бы пойти в нех, собственноручно прощупать каждый участок (нельзя ли тут заменить человека машиной?), на этой, так сказать, платформе объединиться с цеховыми рационализаторами. И увлекательно, и по силам! Не го, что новый экскаватор одним махом создать.

..Признаться, я долго не мог понять отчего такими кислыми улыбками встречают ребята мон расспросы про их участие в автоматизации и механизации цехов. Плечами пожимают. Отвечают уклончиво. «Нам. мол, ничем завиматься не запрешают, лело общественное». Сижу на собрании общественного КБ, Кто-то говорит: «В нашем отделе многие рационализаторские предложения лежат давно, дожидаются конструкторской разработки. Предлагаю помочь отделу. Возьмем предложения попроще, быстрее сделаем». Шустрый, живой паренек ехидничает: «Числом, значит, поболее, ценою подешевле?».

у ОЖУ, расспрациваю. В один го-Х лос ребята говорят: есть рационализаторские предложения, к которым наждому конструктору хочется приложить руку. Сложные, интересные. Но попадаются и такие, что не требуют от инженера ни смекалки, ни раздумий: кое-что подсчитать, кое-что вычертить. Этим и в служебные часы досыта приходится заниматься,

Володя Поляков формулирует вопрос так: «Знаю, помогать рационализаторам нужно и в самом малом - я комсомолец. Но вопросами автоматизации тоже хочу заниматься. Поймите, ведь конструктор».

Откуда, когда возныкло это нелепое противопоставление: «комсомолец» и конструктор»? Не здесь ли, на «Уралмаше», многие обънсияли мне, что общественные конструктор-

ские бюро — это как раз наилучиний способ сочетать общественную работу с про фессиональными интереса-ми? И как ведь, на самом деле, драгоценно такое сочетание!

Иду к заместителю глаг ного конструктора отдела Борису Ивановичу Сатов СКОМУ

Общественное струкгорское бюро? - переспранивает он. — Весьполезное дело. Мы не успеваем управиться с поторационализаторск и х предложений. Занилаются ли ребята механизацией автоматизацией? Но ведь есть на заводе для этого специальный отдел. Разве должны мы жому отделу? — Борис Иванович говорит мягко, учтиво. - Зачем же, у нас у самих дел по горло...

Незадолго до посещения «Уралмаша» мне довелось присутствовать на Свердловском областном совещании членов общественных КБ. Люди взволнованно говорили о новом, по-человечески и по-инженерисму новом явленин, о том, как синтезируется в челообщественное и профессиональное, какой прекрасной гранью сверкнуло вдруг естественное для советских единство общественных и личных интересов. Но и в этом горячем разговоре о рождении славного почина прозвучали голоса, которые не могли не насторожить, не обеспокоить. шел на трибуну один из руководителей общественных конструкторов завода, выпускающего электроаппаратуру, и похвалился: мол, бывает, не справляются у нас штатные конструкторы с работой — вечером бесплатно доделывают, Потом взял слово представитель другого предприятия. И тоже «обрадоваль: рабочие завода не участвуют в общественных КБ, так они, чтобы к почину как-то приобщиться, безвозмездно

задерживаются после гудка в цехе. И вот Сатовский: «У самих дел по горло». Что опасно: равнодушная рука готова вдохновенный поиск инженера свести к лвум часам неурочной работы.

ТУ ОМСОРГ Сергей Воздвиженский со мной согласен. Он волнуется. Меряет комнату шагами. Нет. не «разгрузка» после звонка всяких отдельских залежей — забота общественных конструкторов. И негоже тут стыдливо лукавить: «Пусть занимается человек, чем хочет, мы, мол. не запрещаем». Дело чести руководителя — присмотреться к увлечению пария, помочь ему выбрать тему по силам и в то же время способную увлечь инженера, одарить его вдохновением поиска.

Мы перебираем с Воздвиженским дела общественных конструкторов и видим: только живой интерес дает плоды. Молодые конструкторы из того же отдела бурового и горнорудного оборудования взялись механизировать коровник. В качестве шефской помощи селу. Увлеклись. Ездили в колхозы.

Ну, коровы - это, может быть, романтика. Но вот, как сказку, слушал я повесть экономиста Николая Ильича Захарова о себестоимости продукции. Николай Ильич, немолодой уже человек, предложил создать на «Уралмаше» общественное бюро экономического анализа. Заводским плановикам он напрямик сказал: «Ваши завалы подчищать не будем. Как-нибудь сами об этом позаботьтесь. А вот покритиковать вас, подсказать кое-что, будьте спокойны, не преминем случаем». Вместе с экономистами Полиной Ивановной Барановой и Виктором Андреевичем Долматовым Захаров задумался над тем, наними же путями складывается себестоимость в цехе металлоконструкций. Сдается, работают там товарищи без оглядки на цену металла. .. Мы давно уж не удивляемся тока-

рю, который остается после работы в клубе и вдохновенно разучивает арию Ленского. Сегодня до поздней ночи засиделись за чергежной доской инженеры и техники в поэтическом увлечении хозянна машин, хозяина производства. Добрый почин, рожденный нашим временем.

B CYBBOTHEM HOMEPE

🖈 Визит дружбы закончен. ☆ Письмо С. Маршака.

🖈 Речь А. Твардовского на съезде учителей.

☆ Новости литературы и искусства.

🖈 В гостях у Джеймса Олдриджа.

🖈 Андре Вюрмсер об алжирской проблеме.

🖈 Наша «Субботняя почта». 🖈 «Литературный музей».

ми о творчестве поэта или прозаика. лимвами. Что может сназать о композиторе человек, лишенный слуха и не понимаюпехов и неугасающего влохновения. щий, не любящий музыки? Равнодушный преподаватель словесности, не ис-

ПИСАТЕЛЬ— СОРАТНИКИ

раторов писатели тепло принимали своих гостей — делегатов Всероссий ского съезда учителей. Секретарь правления Союза писателей СССР К. Воронков открыл вечер и предоставил вступительное слово Л. Кас-

Перед гостями выступила боль шая группа художников слова. На вечере было зачитано письмо С. Маршака, обращенное к делегатам съезда. Публикуем текст этого письма:

Привет вам, дорогие товарищи учи-

В эти памятные дни, когда в Москве работает ваш съезд. внимание всей нашей страны обращено к вам.

Ваша многотысячная армия кая сила. Вам родители уступают значительную долю своих прав на воспитание ребенка. К вам в школу дети приходят в том возрасте, когда характер ребенка так легко поддается воздействию умного и чуткого воспитателя. Можно сказать, что именно вы форми-

руете наше будущее. Но для того, чтобы вести других. надо и самому не стоять на месте. Учителю надо знать гораздо больше того. что он отдает ученикам.

Во время Яснополянской школы Лев Толстой говорил, что для того, чтобы преподавать в младших классах арифметику, учитель должен знать высшую математику. Познания преподавателя истории будут далеко недостаточны, если они окажутся немногим больше того, что содержится в школьных учеб-

Но дело не только в знаниях. Прежде всего учителю нужна любовь к своему предмету. Опыт показал, что наибольшее число математиков выходит из школ, где преподают не только знающие, но и влюбленные в математину люди. То же можно сказать о преподавании литературы. Спросите наших выдающихся писателей, и они скажут вам, что любовь к родному языку и литературе привил им учитель, сельский

или городской. От воспитателя зависит и такое важное дело, как развитие художественного вкуса его питомцев. Я знаю, что у большинства наших учителей не слишком-то много свободного времени. И все же они должны находить время, чтобы развивать свой собственный художественный вкус. Только по-настоящему оценив и полюбив литературу, преподаватель имеет право говорить с ученика-

пытывающий ни малейшего восторга при чтении лучших поэтических страниц, способен убить в ребятах всякий интерес к художественной литературе. Зазубривание отрывков из Пушкина

(чаще всего о природе) вырабатывает у ребят как бы некий иммунитет к стихам нашего величайшего поэта. Помню, я как-то читал Пушкина вслух знакомому школьнику. Он слушал неизвестные ему стихи с напряженным вниманием. Но стоило мне прочесть строчки Мчатся тучи, вьются гучи;

Невидимкою луна...

как мой юный слушатель запротестовал: Ох. не надо!.. Очевидно, это прекрасное стихотво-

рение потеряло всю свою, прелесть на тех уроках, где его читали бесконечное число раз. И не только читали, но и разъясняли, то есть «прорабатывали». Отдельные, вырванные из классических стихов строфы и строчки, напечатанные в учебных книгах для чтения, часто теряют рифмы, стихотворный размер, а иной раз и большую часть

смысла. Мне кажется, что учителя вправе потребовать от Министерства просвещения и Учпедгиза хороших учебных книг по родному языку и литературе.
У нас есть известные и любимые детские кинги. Пора создать любимые

И, пожалуй, не меньше нужны школе книги, помогающие учителю, такие книги, где были бы статын лучших педагогов. литературоведов и критиков. где молодой учитель мог бы найти записи лучинх уроков, проведенных талантли-

выми и опытными преподавателями. Дорогие друзья, мы должны по-мнить, что учителя и писатели в одинаковой мере служат великому делу воспитания. Наши встречи с вами не должны быть редкими и случайными. Пишите нам со всех концов страны, пишите запросто, по-дружески о вашем житье-бытье, о работе, о разных событиях и эпизодах в жизни школы. Такие письма не только могут дать нам, ли гераторам, ценный материал, но и понастоящему свяжут нас со школой.

Я очень жалею, что болезнь помешала мие быть сегодия с вами. В этом письме я попытался высказать кое-какие мысли, которые накопились у меня как у литератора, более сорока лет связанного с читателями-детьми. роятно, о многом из того, о чем я

пишу эдесь, вы думали и сами. И все же я не мог удержаться от желания поделиться с вами своими раз-Желаю вам, товарищи, здоровья, ус-

Оно одинаково необходимо в нашем и С. МАРШАК

На синмие: делегат Первого Всероссийского съезда по просвещению, персональный пеисмонер, делегат Всероссийского съезда учителей И. Г. Шимыров беседует с группой делегатов съезда из Ростовсной области. Слева наприво: председаталь обнома професона работиннов просвещения, высшей шнолы и научных учреждений Л. Дейнеко, заведующая учебной частью шнолы № 17 города Новощахтинска К. Янимова. Заведующая учебной частью средней шнолы № 16 города Морозовска М. Ремчукова. И. Г. Шимьров и директор средней школы рабочей молодежи № 11 города Донецна А. Журавлев.

м. прилежаева НАСТАВНИКАМ, ХРАНИВШИМ ЮНОСТЬ НАШУ...

ПИСАТЕЛЯ

Наверное, это бывало у всех. Перед глазами ясно стоит учительница Нина Виссарионовна. Она невысокая, с энергичной походкой, живым некрасивым лицом. Лица чуть торжеств

походкой, живым некрасивым лицом. Выражение ее лица чуть торжественио, когда она без предупреждений открывает книгу. Мы мгновенно стихаем. Мы знаем, что последует дальше, и ждем. И вот: «12 августа 18... ровно в тре-

тий день после дня моего рождения, в который мне минуло десять лет и в который я получил такие чудесные подаржи, в семь часов утра Карл Иваныч разбудил меня, ударив над самой моей головой хлопушкой...»

Нина Виссарионовна читала иногда

пина виссарионовна читала иногда без повода в середние недели. В общей сложности получалось не так уж часто, но, удивительно: ведь, почти уже не помня ее уроки, я запомнила эти необязательные чтения вне программы и атмосферу поэтичности в классе, какая неизменно при том создавалась.

Только самые тупые из нас не бежали после такого интимного часа за партой атаковать библиогеку, требуя Толсгого, Диккенса.

Литература — мир волшебно огромный, мучительный и счастливый, невыразимо прекрасный учебник жизни и чувств — вот, собственно, что преподавала классу учительница.

Образ учителя, понимавшего свой долг как долг воспитания в человеке высоких и необыденных чувств, остался в моей памяти с детства. После много раз я встречала среди учительства этот образ. Иногда учитель такого склада вызывал на себя немилость иного инспектора роно.

спектора роно.

К счастью, отошли или отходят в прошлое минутные «дозировки» учебно-воспитательного процесса, утвержденный методистом шаблон-урок, все, что вязало инициативу учителя. Все становится другим. И трудности

В СЕРОССНИСКИЙ съезд учителей, на трибуну которого выходят учителя— передовики и искатели докладывать стране и всему миру
о своей поистине колоссальной работе
по воспитанию нового человека, уже в
первые дни показал—школа решительно рванулась вперед на сближение с
жизнью и производительной деятельностью общества, как о том мечтал
Лении и очень давно: «...нельзя себе
представить идеала будущего общества
без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения...».

Перестройка школы в первую очередь потребовала перестройки учителя. Заново узнавать промышленность, сельское козяйство, технику, труд народа, создавшего материальные пенности. Когда видишь на выставке съезда изделия школьников, различные, от простых до очень сложных, приборы, макеты, модели, когда видишь безукоризненно действующий, изящный по форме телевизор и многое другое, чего и не перечислить, радуещься повороту в жизни школы за такой малый, в сущности, срок.

В каждом приборе, модели, в стендах, рассказывающих о сельскохозяйственной практике школьников, читаешь ту связь обучения с производительным трудом, без которой преподавание математики, физики, биологии, химии было творчески бесплодным в школе словесного метода. Конечно, выставка, стелда учителей

Конечно, выставка стезда учителей представляет совершеннейший опыт школ за год новой работы, но этот опыт говорит, что и как может школа, когда она на верном пути.

она на верном пути,
На съезде учителей я ощутимо почувствовала: школа выводит ребят на дорогу труда,

О странно. Среди множества интересных экспонатов, показывающих самый различный ребяческий труд, умение и всевозможное, главным образом, техническое творчество, редко, очень редко увидишь стенды с рисунком. Обыкновенным детским рисунком с его неожиланными сочетаниями ярких и радостных красок, простодушными и выразительными линиями. Какая-то сторона воспитания детей нак-то отодвинута в тень.

Мне пришлось познакомиться с делегатом Знаменской средней школы Калининградской области. Заслуженным учителем школы РСФСР Виктором Николаевичем Терским. Сухощавый, он был бы похож на Дон Кихота, если бы к его узкому, с высоким лбом и острыми глазами лицу добавить знакомую каждому школьнику по иллюстрациям Дорэ эспаньолку. За плечами Виктора Николаевича—долгая и пестрая жизнь. В дегстве кузница отца, после Художественная академия, знакомство с Репиным, фронт, актерская школа, снова живопись и в 1923 году встреча с Манаренко. Это решило судьбу. В. Н. Терский идет работать к Макаренко.

Я слушаю Терского и думаю: наверное, к этому учителю, которого Макаренко называл «удивительным мастером на всякие выдумки», ребят привлекают

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 2 9 нюля 1960 г. M. 81 его живой, легкий характер, изобретательность, страст-

ность. Мы говорим о Макаренко, мастерстве воспитания и... о рисовании. Почему, в

самом деле, выставка достижений школы за год бурного творчества молчит об этом предмете, через который в школу входит искусство? Разве в сегодняшней школе, готовящей человека труда, эстетическое воспитание отодвинуто на второй план?

К сожалению, бывает и так. Иные школы меряют свои победы только производственными показателями пришкольных мастерских, профессиональными умениями школьников, а предметы, работающие на духовное и эстетическое обогащение детей. — как бы уже и не самое главное. В таком положении урок рисования.

Учителю приходится преодолевать настроение равнодушня к предмету. Сколько энергии, страсти нужно чтобы одолеть равнодушие! Но ведь не все учителя рисования — Терские. Не все сразу становятся Терскими.

А КАК Диккенс, Толстой? Воспитание чувств?

Я встретилась с делегатом съезда Екатериной Михайловной Бердниковой. Тоже заслуженный учитель, депугат Верховного Совета РСФСР. Предмет Бердниковой — история.

говорит: «Труд благороден, радуюсь трудовому обучению и возпитанию в школе. Но изучение истории тоже труд. Сегодняшняя школа не имеет права быть однотонной. Пусть школа учит ребят слесарному и столярному делу, готовит токарей, шоферов. доярок, будущих ученых, исследователей; воспитание в человеке богатого, сложного, красивого душевного мира гражданских чувств, жажды подвига стремления к необыденной героической жизни — важнейшая из важнейших среди ее современных задач! В моей педагогической работе есть высокие минуты, когда я вижу взлет и чудесное преображение детской души».

Есть в Москве улица Люси Лисиновой. В один ноябрьский день Е. Бердникова привела на улицу Люси Лисиновой своих учеников. Вынула на портфеля карточку. Девичье прелестное лицо глянуло на ребят с фотографии. Учительница рассказала историю подвига этой юной девушки, мечтавшей, что «мир будет прекрасен, когда мы победим», и погибщей от пули юнкера в такой же ноябрьский день 1917 года на баррикадах Москвы.

После ребята разыскали за городом сестер Люси Лисиновой. Приехали. Смотрели, как дрожащие руки одной из сестер отпирают заветный ящик стола, где хранятся Люсины письма.

Поздним вечером ребята возвращались с учительницей в Москву. Дождь.

В душевном волнении, в каком-то восторге ребята не замечали грязи и холода. Молчали. И вдруг вспыхивает разговор, и, перебивая друг друга, снова и снова они вспоминают все о Люсе Лисиновой. Этой страницы из своей школьной жизни они не забудут.

Эрудиция, мастерство, сердечная шедрость, душевное беспокойство, зовущее из класса в жизнь, на улицу, в заводской цех и музей, к архитектурному памятнику и в семью, непременно в семью, искренность и пафос гражданственности, и даже интонация речи, даже дикция, даже манера держаться с простотой и достоинством — все рисует пленительно индивидуальный облик учителя.

Этого не прочтешь в программах, справочниках Анадемии педагогических наук и всевозможных пособиях Министерства просвещения. Учитель талантливее, шире школьных программ.

Т ОЛСТОЙ сказал;
«Мыслитель и художник...
всегда, вечно в тревоге и вол-

нении...». Так и учитель. Область работы его безгранична. Его ждут класс, семья, население. Он должен знать все, интересоваться всем. И он в вечной тревоге: не так объяснил, показал,

надо лучше, сильнее!
Оттого и забота об учителе должна быть особенной. Мне нажется, министерства просвещения, отделы народного образования, профсоюз учителей, председатели горсоветов, колхозов должны взять на себя эту заботу.

О том, чтобы учитель был максимально освобожден от бытовых затруднений. Чтобы до учителя в самом отдаленном краю в первую очередь доходила новая книга, свежий номер журнала, Чтобы учитель много ездил

Чтобы передовая работа учителя пропагандировалась не только на страницах печати, но и в местном клубе и по радио, с трибун сессий Советов, в домах и университетах культуры. Чтобы учитель был окружен деятельной народной любовью.

Это нужно для работы учителя, а вначит, и для наших детей, чоторых он растит достойно жить и работать в коммунистическом обществе.

ПРЕПОДАВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ—ТВОРЧЕСТВО

В САМОМ наименовании вашего съезда «Всероссийский учительский» есть что-то поистине особо волнующее, и наждый гость, каждый участник этого съезда, к какой бы он ни принадлежал иной профессии, накими бы ни обладал степенями и званиями, невольно испытывает это особое чувство. Перед ним возникает целый мир самых дорогих, самых неповторимых воспоминаний дегства, ранней юности, и он невольно готов отнести ко всем вам в порыве душевной признатальности свою любовь и уважение, которые всегда в сердце носит к учителям, впервые приобщившим его к начаткам знаний, к образованию и может быть, во многом определивщим призвание всей его жизни. С таким именно чувством я выступаю перед вами. (Аплодисменты).

Но съезд есть съезд, а не вечер воспоминаний. — деловой рабочий коллектив, занятый в эти дни обсуждением важнейших проблем школы на нынешнем ее этапе — на этапе серьезнейшей исторической, по своему смыслу, перестройки. И мне, конечно, в меру сил хотелось бы принять посильное участие в обсуждении стоящих перед съездом

Я, как вы догадываетесь, коснусь лишь одного вопроса — вопроса о месте и значении родной литературы в школе. В каком-го смысле, на мой взгляд, он имеет ключевое значение во всем процессе обучения и воспитания.

Позволю себе все же обратиться к одному моему личному воспоминанию. Это было много лет назад. В школе, голько что занявшей помещение бывшего барского дома, который плохо отапливался, в окнах которого были не все стекла целы и было холодновато, учительница — молодая девушка, как я теперь понимаю (тогда она мне казалась очень взрослой), — Полина Карповна сказала во второй примерно половине учебного дня: «А теперь почитаем».

Она села на парту (я говорю — не за парту, а на парту), чтобы видеть нас всех, поставив ноги на скамью парты, и, кутаясь в какую-то шубейку или пальтецо, объявила: «Гоголь, «Ночь перед рождеством». Я помню, был короткий зимний день, стало уже смеркаться, учительница пересела ближе к окну. Чтение шло. Я это рассказываю не затем, чтобы передать, как было велико наше впечатление, — оно, конечно, было необычайным, — а затем, чтобы, вспоминая этот один из счастливейших дней моей школьной жизни, отдать себе отчет в том, отчего это впечатление было таким. Оттого, что учительница, так же как мы, была восхищена этим рассказом.

Она вместе с нами смеялась, но не для нас, а для себя. Мы видели, что ей это было бесконечно ингересно, хотя сам выбор этого произведения говорил о том, что она знала его ранее, как таблицу умножения, известную ей не только по порядку, но и в разбивку... (В зале смех).

И вот, дорогие друзья, представьте на одну минуту, если бы вдруг после того, как «Ночь перед рождеством» была прочитана, вдруг Полина Карповна сказала: «А вот теперь, в соответствии с методразработной, разберем это произведение... (В зале смех. Бурные аплодисменты)... составим задание по нему из 12 пунктов (почему-то эту цифру любят методисты, я заметил это, знакомясь с некоторыми материалами, относящимися к вопросу) и сделаем текстуальный анализ». И я думаю, что мое впечатление значительно померкло бы и я бы с такой живейшей радостью не пробуждал бы его в своем сознании. О чем идет здесь речь?

Нет худа без добра: время было чрезвычайно трудное, школа была до крайности бедна, не было учебников, не было книг, не было бумаги, не было, конечно, и Академии педагогических наук. (Смех. Аплодисменты). И все же я сберег на протлжении такого значительного периода жизни это дорогое для меня воспоминание.

Секрет простой. Эта учительница, как, по счастью, и другие мои учителя и учителя моих сверстников, очень горячо любила свое дело. И это является, конечно, решающим моментом. Они любили художественную литературу. Они любили ее, как следует любить произведение искусства, не с намерением препарировать его, разнимать на части, разбирать и собирать, а получать от него живое наслаждение. И думаю, что это самый замечательный и самый простейший секрет в преподавании литературы, как, впрочем, и родного языка.

Я отдаю себе отчет в том, что уроки литературы — это не часы развлечений и огдыха. Поскольку литература становится предметом, изучаемым в школе, она становится предметом науки, а наука, как известно, требует и необходимого усилия, и известного понуждения, и, главное, известного плана и системы.

Нет, это не часы развлечений и отдыха от других наук, но это, как мне кажется.—и, может быть, это мое представление подтвердили бы некоторые практики-педагоги,—эти часы должны быть часами воодушевления, эмоцнонального подъема и, я даже позволил бы себе такое примерно выражение, нравственного прозрения.

Возьмите общензвестный пример, который приводит Плеханов, вспоминая о том, какое впечатление на него и его товарищей по военной гимназии произвело чтение «Железной дороги» Некрасова. Поминте, какие слова услышал он от товарища на последовавшем затем военном занятии: «Эх. взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!».

Не каждое произведение порождает такой непосредственный порыв к деятельности. По в целом, в совокупности, приобщение к величайщим духовным сокровищам литературы должно откладывать определенный отпечаток в душе школьника в смысле не только эстети-

ческом, но и этическом, нравственном. Все дело — в любви к делу. Нельзя научить любить то, чего сам не любишь или не умеешь любить. Мои учителя — и Полина Карповна и ее сестра Марфа Карповна (не называю их фамилий, потому что учился у них в том возрасте, когда для учеников фамилии учителя нет. — есть только имя-отчество), и Илья Лазаревич и Иван Ильич Поручиковы, и Борис Иванович и Глеб Иванович Коваленки. — они любили свое дело, и это для меня и моих сверстников было источником настоящей радости познания, радости приоб-

щения к книге, к науке.

Мне очень приятно здесь, на вашем съезде, с этой трибуны со всей моей сердечной признательностью назвать

Речь А. Т. Твардовского на Всероссийском съезде учителей имена этих моих учителей. (Авлоди- чайщих писателях пусской име

сменты). Что такое литература в школе? Литература в школе — это то же, что ли-тература в жизни, только в школе она является процессом планомерного, систематического воздействия на душу ученика под ответственным наблюдением и руководством преподавателя. Здесь она, литература, предшествует развитому жизненному опыту человека, она предваряет его, готовит к нему. Иное дело, когда взрослый человек приобщается к ней, — там этот жизненный опыт побуждает его искать в книге, искать в образах литературы ответы на какие-то возникшие в нем вопросы; но и в этом случае чрезвычайно важен, навык общения с книгой, приобретенный в школьные годы.

Литература в школе делает то самое дело, что и в жизни. — формирует человеческое сознание, миропонимание, личность человека в пору его наибольшей восприимчивости, наибольшей впечатлительности и даже просто памятливости, чего в иную пору у человека часто не бывает уже в силу просто биологических причин.

Ясно, какая огромная ответственность возлагается здесь на педагога, когда он с наибольшим успехом, с наиболее благодарным результатом может применить свой опыт, свои знания, свой талант.

Как только чтение литературно-художественной книги становится тяжкой обязанностью для учащегося, — так пиши пропало! Ничего не состоялось, несмотря на все конспекты и планы! Когда я внжу молодого человека, ну, скажем, десятиклассника, который со страдальческим напряжением вспоминает и подсчитывает: сколько — 67 или 78 героев, в том числе эпизодических и однажды появившихся, в «Молодой гвардии» Фадеева (их ему велели знать и даже указать, в какой главе кто появляется и в какой кто исчезает), — я вижу, что здесь действительно ни конспекты, ни планы не помогут.

Я, товарищи, не придумал этот пример и думаю, что вы осведомлены на этот счет не меньше моего. Я знаю «Молодую гвардию» с первых ее глав, известных мне в чтении автора, и я могу утверждать, что сам покойный Александр Александрович не знал, сколько у него счетом героев, да и не важно ему это было знать, как, вирочем, не нужно это знать и читателям.

Далее. Я вижу ученика (я с ним довольно часто встречаюсь), который на моих глазах все время читает «Мать» Горького. Он се читает уже третий месяц. Я не мог этого понять. Оказывается, он не только читает, а участвует в так называемом (знакомый вам, вероятно, термин) текстуальном изучении произведения. Оказывается, ученики сидят и выдумывают заглавия к главнам, которые сам Алексей Максимович обозначал цифрами, видимо, не считая необходимым озаглавливать их. Вот этой продуктивной работой и занят мой знакомый ученик! (Оживление в зале, смех)

Я уверяю вас, товарищи, что самое великоленное произведение искусства таким образом можно превратить в жулел. пугающий человека, просто возбудить к нему отвращение.

Или, например, идет такой же текстуальный анализ стихов Маяковского. Несмотря на загробный протест Маяковского, их перебирают, перетирают и делают из них какой-то протертый суп, то есть нечто малосъедобное, малопривлекательное. Маяковский, конечно, за это не поблагодарил бы. Ему это противопоказано. А, между прочим, это делается.

Но вместе с этим возникает усталость и, не будем бояться этого слова, отвращение к тексту, к странице, к строфе и к строке, которые нужно помнить: что в какой главе, что с чем связано, то есть помнить много такого, чего человек не должен отмечать, когда он воспринимает явление искусства.

Я сошлюсь на свою реданторскую практику. Если мне попадается хорошее произведение, я счастлив, что я его первым читаю, — вы его не читали, а я его уже знаю, держу в руках, — и я отбрасываю мой редакторский карандаш — все это можно сделать потом. А как получаешь произведение, что называется, «не того», то и начинаешь чернать и посматривать, сколько еще осталось. (Оживление в зале, смех).

Я бы очень хотел, чтобы наши

Я бы очень хотел, чтобы наши школьники, читая роман или повесть, не «анализировали» бы их с карандашом в руках, а отдавались бы процессу чтения, как процессу радостного общекия с кингой. (Продолжительные аплодисменты).

Неправда, что на чтение идет много времени. Чем догматичнее и схоластичнее изучение книги. тем больше это требует времени у ученика и учителя, и, наоборот, — гораздо больше можно обнять материала даже по объему, если подходить к этому с живой душой, с непосредственным человеческим интересом.

Наш современник, замечательный писатель и, между прочим, на мой взгляд, замечательный педагог Самуил Яковлевич Маршак говорит в одной из своих статей, что счастлив учитель, которому удается, начав с простого чтения, перейти к чтению серьезному и вдумчивому и даже к анализу произведения, не утратив того наслаждения, которое людям должно доставлять произведение искусства.

Это, правда, большое счастье. знаю многих учителей, преподавателей литературы по их письмам, по их выступлениям в печати; среди них - немало людей яркого, своеобычного педагогического и даже, может быть, литературного таланта. Такие учителя, несмотря на иные методические разработки и статьи в журнале «Литература в школе», умеют поставить дело так, чтобы их опыт, знания, их собственные литературные симпатии отражались на духовном росте учащихся. Но. к сожалению, это не повсеместно. Простите меня, если вам покажется, что какоенибудь лыно здесь не в строку, но мы, писатели, между собой иногда с горькой шуткой говорим, что школа, вместо того чтобы готовить нам кадры будущих читателей литературы, отлучает их от литературы, отучает и отлучает.

Конечно, вы можете мне сейчас сказать, что и сами писатели немало сделали в этом же направлении. (Смех, аплоднементы). И вы будете правы, но речь идет сейчас не о тех писателях, которые выпускают книги однотипно серые и неинтересные. Речь идет о тех избранных, кого нинакая программа миновать не может. Более того, к прискорбию нашему, речь идет и о величайших писателях русской классики. Ведь и от них можно отбить охоту, если делать это последовательно. (Смех. Аплодисменты),

Аплодисменты),

С самого начала перестройки, которой занята сейчас советская школа, раздаются голоса: не таится ли здесь опасность какого-то ущемления общеобразовательных предметов и, в частности, ущемления литературы? Я думаю, что нет. Эти опасения несправедливы, несостоятельны. Больше того, все то, что мы называем догматической и ной манерой преподавания литературы—все это целиком относится к прежнему, дореформенному перноду школы, объяснимому исторически, Вы все это знаете не хуже меня.

Так что же мы ее нынешнему, новому этапу, подсказанному жизнью, развитием нашего общества, поступательным движением к номмунизму, предъявим уже, так сказать, авансом упрек: не повлечет ли, дескать, это за собой угасания интеллекта нашего подрастающего поколения, которое будто бы может уйти в техницизм, в практицизм?

Нет, товарищи! Я думаю, я даже убежден, что именно эта перестройка, решительно, по-революционному ломающая то, что окостенело, одеревенело, не соответствует нынешнему дню, так же решительно отметет все то порочное в практике преподавания литературы, о котором столько уже толкуют наша печать и общественность и в оценке чего сходятся и учащиеся, и родители, и сами учащие.

Я считаю, что даже непосредственно в опыте трудового воспитания, во всем этом сложном новом деле, которое осуществляется, так сказать, на ощупь, в практике, опять же немалая роль принадлежит литературе.

надлежит литературе.
Я имею в виду ту особенность искусства, которая может быть названа эстетикой труда.

Видите ли, даже в наших советских семьях, особенно более обеспеченных, хотя бы родители и преисходили из самой простой трудовой среды, складывается нередко такое — простите за неловкое слово — мещанистое представление, что дочери и сыновья, получив среднее образование, уже не могут, скажем, навоз накапывать - зазорно. И мы спервоначала как о подвиге пишем в газете, что милая девушка, окончив десятилетну, пошла на ферму. Ну. подумайте, страсти какие! Ведь мы же отлично с вами знаем страницы о левинском сенокосе в «Анне Карениной», о крючинках Горького и о щолоховском Давыдове на пашне. Литература полным-полна картин, поэтизирующих труд, показывающих человека красивым в труде.

Мне приходит на память, как во время войны в какой-то белорусской деревущке, где остановился штаб дивизии, один на офицеров колол дрова и множество людей собралось смотреть, пбо он это делал так артистически лихо, что люди любовались.

Я не буду подробно об этом расска

Я не буду подробно об этом рассказывать, скажу лишь, что нашему народу чрезвычайно свойственно чувство восхищения красивой работой, (Аплодисменты).

Труд делает человека красивым, и я бы даже сказал, что ловкость и уменье в физической работе особо украшают интеллигентного человека, сообщают ему черту какого-то хорошего демократического благородства.

Известно, что литература у нас в школе не отдельный предмет, а литература и родной язык. И я не забываю ставить себя мысленно на место преподавателя литературы и языка, у когорого полсотии ребят и постоянно на столе вот такая стопка ученических тетрадей, которые нужно прочесть и выправить, и множество других хлопот. Но при всем том, ставя себя на место учителя, я говорю: он обязательно дол-ЖСН ЧУВСТВОВАТІ оез овлаления родным языком человек не способен постигать красоты литературы, а без литературы он не может вполне овла-

родным языком. Среди писателей я, кажется, считаюсь одним из наиболее грамотных, то есть не делающим грубых орфографических ошибон (смех, аплодисменты) и справляющимся с более или менее произ вольной пунктуацией. Но я вам должен сказать, что по сложившейся моей судьбе я не учился в средней школе. Таким образом, я просто не знал грамматики, и научило меня грамотно пи-сать просто чтение книг. Читая, я каким-то образом улавливал ритмический склад фраз и повествования, чувствовал необходимость паузы, точки или запягой, и так я научился грамотно писать. Сперва я думал, что я один такой хитрый, а потом узнал, что многие мон сверстники, люди со сходной судьбой, именно таким образом приобрели грамотность.

Речь я веду не к тому, что грамматика не нужна, но я говорю о том, что литература и здесь — могучий помощник учителя. И пусть это ее как бы прикладная роль, но роль вполне благородная.

Я разделяю чучства преподавателя языка, пусть даже несколько педанта. который мучительно переносит те языковые неряшливости, искажения, мельнающие, к сожалению, даже и в большой нашей печати. Я сам. как песчинку в хлебе, попадающую на зуб, не выношу слова содел шапку» упорно почему-то пишется вместо «надел». Мы с вами знаем, что можно одеть ребенка, одеть кого-то, а шапку — только надеть, как и полушубок. как и сапоги. Я страдаю, когда вижу на страницах газет невыносимый оборот: «доказывал о том, что»... Важно, чтобы со школьной скамьи правильные формы написания памятным узелком завязывались. Когда я шел. чтобы поделиться с

вами моими не стольно ума холодными наблюдениями, скольно сердца горестными заметами, горестными и радостными, я просмотрел программу по литературе издания 1959 года. Мне сказали, что это самое новейшее издание. Я никогда в жизни не составлял программ такого рода, но иногда самый обыкновенный вэгляд, вэгляд неспециалиста имеет свой смысл. Я вижу здесь: «пути развития советской литератуот гражданской войны до наших дней - шесть часов. Как это можно сделать, как пробежать за шесть часов по всей советской литературе, — я просто не представляю. Вам это вид-нее. (Аплодисменты). В то же время. смотрите, из Горького дается «Старуха Изергиль». «На дне». «Мать» и в со-кращении «В. И. Ленин» — 23 часа; из Маяковского — «Левый марш», «Про-заседавшиеся», «Товарищу Нетге», «Стихи о советском паспорте», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!». «Во весь голос» — 18 часов. Мне кажется, что это как-то нерасчетливо. Вопервых, из такого распределения часов и проистекает то самое «текстуальное изучение» «Матери», которое способно раз и навсегда отбить охоту обращаться и этому произведению. Далее. Маяковский. «Текстуальному изучению» подвергается не только «Ленин», но и «Хорошо!» — значит, две поэмы. И нельзя не заметить в связи с этим, что большим изъяном этой части программы является обуженное представление образцов поэзии. Не будем забывать, что десятый класс — это тот возраст, который как раз готов к восприятию поэзии всем сердцем. А здесь, собственно, все сводится к поэзии одного Маяковского.

Маяковский - огромное литературное явление. Но и при жизни, и после его смерти у него были нак большие поклонники, прямо апологеты, так и люди, которые либо холодно его встре чали, либо активно не принимали. И мы не вправе сказать, что те, которые любят его поэзню, обязательно хорошие люди, а те, которые не любят, обязательно плохие, отсталые. Так считать мы не имеем права. Мне думается, что не в пользу Маяковскому, не в пользу его наследию в программах по инерции действует известная формуна известной резолюции. Тем самым составители программы ограничивают интересы учащихся, да и учительства поэзией Манковского. Это, по-моему, неправильно.

Маяновский хорош и велик, но он один не может заменить все разнообразие, все богатство советской поэзии, развивающейся вот уже около полувека. (Аплодисменты).

Не знаю, как вы считаете, я, например, не поклонник Есенина, но мне кажется, для нынешнего поколения важно знать произведения этого выдающегося русского лирика. И как об этом хорошо и увлекательно может учитель рассказать! Для этого немного требуется времени. Я думаю, что нельзя также в программе по литературе обходить такого замечательного народного поэта, как Михаил Исаковский, нельзя окончить среднее учебное заведение и слыхом не слыхать там о Багрицком,

Я думаю, что все эти вопросы должны много раз еще быть обсуждены. Надо семь раз отмерить, прежде чем отрезать.

Литература — добрый советчик в определении того, что составляет, по-жалуй, главный вопрос для юношества: кем быть? Дело не в том, что литература зовет только в литературу. Вовсе нет. Литература притягательной силой созданных ею образов зовет во все области человеческой деятельности, человеческого труда. В этом смысти, человеческого труда. В этом смысле, человеческого труда. В этом смысле, человеческого призвание, свою задачу в жизни.

Когда я впервые читал книгу Николая Островского «Как закалялась сталь», я не был школьником и был уже порядком понаторен, начитан в русской классической литературе. Я отчетливо представлял себе известные литературные несовершенства этого произведения. Однако, когда я прочел его, а прочел залпом, безотрывно, произошло большее, чем бывает при чтении обыкновенной интересной книги. -принял для себя одно решение, последствия которого сказались на всей моей жизни, вплоть до сегодняшнего дня. Мне было 20 лет, и, как я уже сказал, по сложившейся моей судьбе, я не имел возможности обучаться в средней школе. И вдруг я понял, что в моем труде, в моем призвании я не смогу одолеть сколько-нибудь серьезных рубежей, если не буду учиться, не получу настоящего образования. Я принял для себя это решение и, взрослым человеном, обязанным трудиться, я подготовился в вуз и окончил его. В этом смысле я благодарен книге Николая Островского. Она не одному мне помогла в решении какого-то своего жизненно важного вопроса.

Но я литератор. А вот передо мной письмо. Молодой человек Иван Попков, окончивший школу, работает в одном из аэропортов Сибири. Он читает книги. И вот он говорит о том, нак под влиянием чтения (смотрите, торжественно заявляет) он решил посвятить свою жизнь борьбе за мир. «Я постараюсь, — пишет он. — все силы отдать, чтобы нд земле был мир». Что же, вы думаете, для этого он бу-дет делать? Что, он собирается быть большим государственным мужем или великим мировым ученым? Нет. Он говорит: «Для этого я решил заочно учиться и работать, и своих постараюсь вовлечь, чтобы они учились. Я учусь в техникуме механизации, а работаю по специальности авиамеханика. Мне очень нравится техника, поэтому я твердо решил быть техником-механиком».

Задача как будто скромная, но как прекрасно, что он связывает ее с велиной задачей современности, с той задачей, решением которой озабочены наша партия, весь наш народ, все передовые люди мира. Я думаю, что у этого мальчика были хорошие учителя, и хочется их поздравить с таким воспитанником,

Я нередко получаю письма от учителей, представляю условия их быта иногда нелегние. — но я знаю среди них немало людей такой прекрасной, богатой души, что просто радостно за нашу школу.

Я переписываюсь с учителем Луховской школы, под Саранском, в Мордовии. Аленсеем Александровичем Котловым, и совсем недавно он мне написал о том, как его выпускники работа. ют на колхозных полях, как они посменно, группами и, видимо, имея не-который заработок, отправляются в культурно-литературные походы. Вот нынешним летом они едут в Ульяновск. потом — в Болдино, потом — в Ясную Поляну. Я не говорю, что он бог весть что придумал, но это придумал он влюбленным в свое дело сердцем. И это очень хорошо! Ведь мы имеем дело с нашей сменой, с тем, что составит и ум, и талант, и великую силу и славу нашего будущего общества. Будем же вполне достойными, наждый на своем посту нашей ответственной работы, вы-

сокого поручения народа. Дорогие друзья!

Вы здесь много слышали заслуженных вами здравиц и пожеланий. Позвольте мне со своей стопоны от всего сердца пожелать вам всего самого доброго в школе и дома, пожелать вам, всем вместе и квждому в отдельности, здоровья и счастья, смелых поисков и счастливых открытий в вашем благородном деле. (Продолжительные аплодисменты).

ПИСАТЕЛЯ теснят, ему диктуют жесткие условия. Он не волен в судьбе героя (нельзя героя женить, развести, спасти от гибели, отправить путешествовать и т. п.). Автору задан сюжет (ход событий уже точно размечен, и ничего нельзя менять). Он даже не может придумать развязку. Но среди этих многочисленных запретительных знаков писатель, как ни странно, чувствует себя преотлично.

Он несет свои вериги легко, даже с изяществом, великолепное ощущение творческой свободы не покидает его. Автор знает - все окупится, ибо у него есть некий философский камень, превращающий все, к чему он ни притронется, в золото искусства, ибо он пи-

Впрочем, ничего таинственного. Автор пишет о том, что было с личностью H, в такоето время, в таких-то обстоятельствах. Было на самом деле, а не в воображении художника. Словом, пишет документальную повесть, то, чго сколько громоздко зовется художественно - документальной литературой. Правда документа-это те вериги, жесткие условия, запретительные знаки и т. п., которые тан мучают (в кавычках и без) художника. Фурманов не мог протянуть руку тонущему Чапаеву, Макаренко не имел никакой возможности уклониться от завоевания Куряжа, а Полевой не волен был облегчить страдания Мересьева...

Да, документальная прозанелегкий жанр, но никогда она не получала такого широчайшего развития, как в нашей литературе. У писателей, работающих в этой области, могучий союзник — новая советская действительность. Ибо в новом обществе установились и новые отношения между художником и окружающей реальностью. Одной из важнейших черт советской литературы стало доверие к новой, социалистической действительности.

Когда художник с головой бросается в новую область жизни, когда он открывает ее истинную поэзию, когда он всем сердцем влюбляется в то, чем он пишет, - его ждет успех!,

Так произошло с талантливым очеркистом Анатолием Аграновским, написавшим документальную повесть «Большой старт». Тот, кому в руки попал номер журнала «Знамя» с этой повестью, ручаюсь — залпом прочтет ее. Прочтет. не отрываясь, потому что повесть живет современиэстью, и читатель почувствует себя действительно в самой гуще событий века.

Ленин писал о том, что в наш век история необычайно ускоряет свое развитие. Сейчас темп исторического развития продолжает расти. Одной человеческой жизни хватает, чтобы пережить несколько технических революций. Еще живы свидетели полета первого самолета. А человек, который полетит на Марс, какметко сказано, уже ходит в длинных штанах.

А. Аграновский предлагает нам вместе изучить «историю, неуспевшую закаменеть». Он зовет совершить путешествие к нашим современникам, открывшим одну из славнейших страниц в истории покорения природы человеком. И какое увлекательное путешествие!

Сюжет тут, нак принято говорить в критике, «производственный», и суть его составляют две комбинации из трех «ЖРД» и «ВРД». Загадочные эти термины расшифровываются так: «жидкостно-реактивный двигатель» и «возлушно-реактивный двигатель». Автору удалось заставить нас пережить муни творчества, удалось создать удивительно волнующий сюжет технического открытия. Но самое главное за формулами и технологией - люди с полетом мысли, с сердцем, с чувствами. Так мы попадаем из области технологии в об-ласть человековедения.

Повесть А. Аграновского, несмотря на то, что она в очень доступной, я бы даже сказал, доступно - приятной форме сообщает массу интереснейших научно-технических не популярный сведений, очери, а та волнующая литература, которую мы и называем человеноведением. Перед нами проходит ряд удивительно интересных людей, к которым поразительнейшим образом подходит эпитет «современник».

Прежде всего о том дыхании Большой истории, которое ощущаешь уже с первых

А. Аграновский. «Вольшой гтарт. Повесть о дерзании». Жур-нал «Знамя», № 5. 1960.

страниц повести. Оказывается. в открытии нового двигателя были заинтересованы все страны. Больше того, возникла историческая потребность в том, чтобы самолету был дан такой двигатель. Эту задачу пытались решить, конструкторы и в Англии, и в Германии, и в Америке. Почему же Россия, только что сбросившая путы вековой OTсталости, сумела возглавить

эти ручейки-биографии с са-

мых истоков. Не тогда, когда

герои стали знамениты, а ко-

гда очень многих из них не

далекие люди презрительно

называли: «Неудачник!..» И

дело даже не в поэзии преодо-

ления трудностей изобретате-

лями. Дело в том широком

умном понимании творчества,

которое присуще повести А

теля-одиночки. Сколько раз от

этой проблемы отмахивались,

такой одиночка выглядит ка-

ким-то ихтиозавром. И дей

ствительно-ведь век одиночек

в стране социализма окончил-

ся. Не может одиночка без помощи коллектива до кон-

ца довести свое изобретение

И все же, при том огромном

значении, которое имеет кол

лектив, идея-то первоначаль-

но приходит в голову, так ска-

зать, индивидуально. И нель

зя не задуматься над словами

∢Может, я и не прав.

мне кажется, что тяжелейший

один, именно один сидит но-

чами напролет за своими чер-

под силу было бы коллекти.

ву, - этот период в какой-то

степени закономерен. Видимо.

всегда так будет. И при ком-

мунизме великие открытия

бедах изобретателя-одиночки?

Ничего подобного! Это умная

повесть о реальных создате-

лях советской реактивной

авиации. Умная потому, что

автор видит перспективу и

не впадает в панику пе-

ред сложностью и противоре-

чивостью жизни. А главное

видит в характерах своих ге-

роев наиболее существенное,

лектива. Не зная этого, мы

ничего не поймем в истории

Прохора Бульбы».

индивидуальностью.

Что же, значит, это книга о

тежами, делая порой то.

придут ценою подвига».

когда

Скажем, проблема изобрета-

Аграновского.

писателя:

эту революцию в авиационной технике? И на этот вопрос отвечает А. Аграновский в своей повести. Отвечает не как экономист или историк, а как художник. Он пишет не о моторах, а о людях, Как ручейки, сливаясь воедино, дают реку, так судьбы изобретателей соединяются в этой повести и рождают Дело с большой буквы, Дело - поэзию. Писатель прослеживает

Но мы с вами, читатель, почувствовали это удивление. Так выразительно

ходящие в фюзеляж крылья, плексигласовый фонарь над кабиной летчика и впереди винт, последняя новинка

трехлопастный, безмерно удивлялся ∢Ho каждый, кто в первый раз подходил к самолету. Это было, как удар. Взгляд спокойно скользил по плавным линиям: высокий киль переходил в фюзеляж, из фюзеляжа вырастали крылья, от крыльев убегал вперед изящно вытянутый нос... Но там, впереди, ничего не было. Не было старого доброго винта, который вот уже полвека_тянул по небу самолеты. Вы можете себе это представить?.. Нет, нам, давно уже привыкщим к реактивной авиации, не понять теперь, что ощущали люди, впервые видевшие эту «птичку»...»

безмерное

гелях этой «птички», мы вдруг с грустью подумахудожественная

героя нашего времени, того, что несет на себе главный груз века. Сколько чудесных, ярких, неповторимых характеров вокруг нас, характеров творческих, мыслящих, дерзающих, уже, так сказать, в своей непосредв своей сказать, в своей непосредщих полной мерой художе. ственной занершенности.

Аграновский описал

как плохо еще видит

проза

первый реактивный само-

ВОТ прочитана повесть. Ты познакомил. ся с людьми (пусть у них изменены фамилии), торые рождены не силой авторского воображения: писатель видел их в конструктор. ском бюро и на летном поле, разговаривал с ними за домашним столом и в рабочих кабинетах. Здесь ничего не выдумано, словом, - это реальные люди. И повесть эта не только о том, как был построен первый реактивный самолет, но и о том, каким должен быть наш современник.

ские драги.

щих прииски полей.

живые побеги жизни,

затраченные на него труды.

ченных лихорадной золота.

ная погоня за золотом.

тых принсков.

новатой почвы.

Узкое ущелье.

Маленькая речка.

Пабло НЕРУДА

OTEU Суровый отец возвращамся из дальних

и мы во вочам узнавали гудки паровоза,

жалобным стоном. дверь начинала дрожать: это ветер входил их поступь тяжелой была.

и слышался голос, враждебный и резкий; а мгла грозовая н дождь, водопаду подобный, низвергаясь на крыши,

и не было слышно янчего, кроме ветра, вступившего в единоборство с дождем.

сверянишие дождь воем протяжным своим

и дом содрогался во мраке. словно выстрел сухой пистолета;

стонали ступени, постепенно в пучнну свою

Но все же не мраку ночному принадлежал мой отец,

работающие калифорнийские золотоискатель-

полуопустошенных приисков, как во дни Зутте-

ра, ложатся на цветущую зелень окружаю-

цветущие сады, поля, пашни, луга.

Горы щебня, еще до сих пор извергаемые из

Под серым бездушным слоем камня гибнут

Неумолимо, безостановочно и безудержно

«Золотая горячка» 1848 года насылает на Ка-

лвижется каменный вал, наступая на зелень и

беспощадно подминая под себя в угоду золоту

лифорнию сотни тысяч искателей драгоценного

металла, во столько раз превышающего добычей

Трудно себе конкретно представить, заставить себя сопережить это безумие людей, охва-

Однако сейчас, по маленькому образчику

личного переживания я легко могу себе пред-

ставить, каким тайфуном, ураганом и безумием

страстей должна была разливаться эта стихий-

погружали;

КНИГА БЕЗ НАЗВАНИЯ

Во время недавнего приезда Пабло Неруды в Москву редакция нашей газет обратилась к нему с просьбой написать статью. — Опять статью? — ответил Неруда. — Ох, эти статьи... Я ведь не журна-

лист, а поэт. Мое дело писать стихи. Еще в прошлый приезд, в 1958 году, я обещал вашей газете присылать свои новые стихи. Вот я и выполняю свое обещание. Это — стихи из моей новой, законченной шесть месяцев назад книги, которая пока еще не имеет названия, книги воспоминаний о моем детстве и юности. Я давно решил написать поэтическую автобиографию. Вероятно, это будет несколько циклов, диже несколько поэтических книг... Первая из них уже написана, хотя ни одно стихотворение из нев еще не печаталось нигде в мире, в том числе и на испанском явыке. Как я и обещал, эти стихи передаю «Литературной газете». Первая книга состоит из 40 стихотворений — маленьких поэм. О чем они написаны? О прекрасной земле моей родины — Чили, о моих родителях, о месте, где я рос, о том, как я учился писать и читать, о моей первой любви и первых тревогах... эти и иные стихи познакомят советских читателей с юностью чилийца, с жизнью моего народа. И поэтому я рад, что «Литературная газета» будет первым местом публикации моей давнишней работы, которая еще потребует немалого труда.

командир поевдов и холодных рассветов: едва только смутное солние всходило, он был уже там, на посту,

зеленым и красным, н был наготове фонарь, был уголь в пылающей топке, и поезда исчезали в тумане, но чувство ответственности

со своими флажками,

В архиве выдающегося вархиве выдающегося советсного иннорежиссе-ра Сергея Михайловича Эйзенштейна хранятся заметим для автобиогра-фичесной иниги, которую он собирался написать, ниги о прожитой жизни, о человеке, который про-ходит ствозь великое. о человеке, которыи про-ходит снвозь велиное, невиданное время нак свидетель и участник многих памятных собы-тий. В своих залисях ему

тий. В своих записях ему хотелось «ужватить, за- держать, закрепить» и портреты людей, ноторых он знал, и впечатления о встречах с предвоенной Европой и Америкой, и свои раздумыя об искусстве, и мысли о любимых книгах-спутниках.
Тут должен был отразиться и собственный его, за денштейна, опыт нак создателя произведений советского киноискусства. Однако он хотел говорить не только о готовых результатах и окончательных выводах. Зйзенштейн собирался написать ннигу о том, как совершается самый процесс, как постепенно художник становится тем, что он есть.

цесс, как постепенно художник становится тем, что он есть.
Вероятно, книга Эйзенштейна, если бы он ее завершил, стала одним из значительных, своезобразных явлений литературы. Многое в его записях фрагментарно, отрывочно. Многое он собирался пересмотреть, дополнить, но и в незавершенных заметнах Эйзенштейна читатель найдет для себя немало интересного. В них подкулает и широта охвата событий, и зоркость наблюдет и широта охвата событий, и зоркость наблюдений, и острая мысль художника, и самый «цвет» слова — яриого, звонного, неожиданного, и сжатый «нинематографичесиий» язык, составляющий одну из главных особенностей стиля Эйзенштейна-писателя.

Б. ГАЛАНОВ

сурнале «Знамя». «Литературная газета» печатает сегодня отрывки из них.

петь песятки и лаже сотни черных цилиндров, блуждающих среди старинных невысоких домов, исчезающих в сумерках и внезапно вырисовывающихся в желтых бликах свечей, падающих на них из-за маленьких решетчатых окон?

литографиях Домье, а в жизни, где можно увидеть подобное фантастическое зрелище? Представьте — есты

Правда, под цилиндрами вы не увидите бород и усов.

дцати лет.

венных отсветах еще усугубляют фантастику они кажутся гномами, сбежавшими из творений Гофмана, или странными обитателями страшных рассказов Эдгара По. А на деле они всего-навсего - мальчишки.

Впрочем, не мальчишки, а мальчики - сыпривилегированных английских сеновья мейств, имеющих возможность посылать детей

Осмотрев Виндзорский замок, хранилище записных книжек Леонардо и рисунков Гольбейна, мы с моим другом, профессором Айзексом - в рыжих бакенбардах и котелке, с неизменным зонтиком в руках — посетили и соседний с ним Итон - это первое звено системы английского воспитания, своим режимом, дисциплиной и духом выковывающее из хрупких и дегенеративных или чересчур упитанных и избалованных мальчиков суровых и неумолимых, бездушных и жестоких джентльменов, не кричащих о том, что они хозяева земного шара, — как менее предусмотри-тельные немцы, — но твердо верящих в то, что они именно таковы, и действующих неумолимо и настойчиво во славу Британии, коро-

левы морей... В холодных комнатах Кембриджа и Оксфорда, одетых камнем тюдоровских и дотюдоровских построек, — в рефекториях, ми залов своих теряющихся во мгле, в высоченных нефах церквей, в отборных лабораториях физических, химических и электромагнитных доработается этот тип джентль мена, чей первый набросок намечен в парадок сальном силуэте итонского мальчика в цилинд-

И в третьем звене карьеры, почти неизменно ведущей от Итона через Кембридж или Оксфорд — в парламент, уже сформировав-шийся джентльмен явит миру необычайное зрелище неизменяемости британской политики Кадоганов, совершенно независимо лейборист или тори поставлены у кормила власти случайной игрою ключей счастья у из-

Лавина черного, посдающего цвет, сидит давнишним образом в кругу дорогих мне пред-

вплетающиеся впечатления: поездка в Винд-зор, страница из романа Сандрара, горы щебня около Сакраменто и даже стаи черных орлов — запилотес, слетающихся в нал трупами лошадей, павших на арене боя быков и вытащенных на задний двор.

Чинно сидят черные орлы на ограде вокруг заднего дворика арены в столице Юкатана —

ро уступают место другому нандидату. Этот герой почти что математически высчи-

(Онончание на 4-й стр.)

не исчезало. Железнодорожник

Б. ГАЛАНОВ

Записи Эйзенштейна готовятся к публикации в

Неужели есть такое место, и не только на

Разве что пушок на верхней губе. Правда, носители их не будут обременены

И старшему из них, вероятно, нет еще два-

Но такиственный свет сумерен скрывает возраст общим силуэтом фигуры, а фигуры более молодых — просто малолетних носителей цилиндров — в этих переулках и таинст-

Я не упомянул соседства Виндзорского замка, белые круглые отложные воротнички и по-

лосатые брюки. - иначе вы давно бы догадались, о ком и о чем идет речь!

бирательных урн...

Его от времени до времени питают новые

Жичт...

Однако на повестке дня моих творческих намерений и Джордано Бруно, и чума бысттан.

Сергей ЭЙЗЕНШТЕЙН

ТЕЗНАЮ, можно ли назвать счастьем или даже случайным счастьем все то, что привело меня к первой работе по

Но цепь случайностей несомненна. Цепь эта вела к самой работе.

такая же цепь и сочетание неожиданного и случайного определяли ход внутри разрешения самих проблем цвета. Цвет в кинематографе меня занимает очень давно...

Первые образцы цветного кинематографа я видел очень давно. Это были раскрашенные от руки феерии

Подводное царство, где ярко-желтые вонны в латах скрывались в челюстях зеленоватых китов, а голубые и розовые волшебницы рожлались из морской пены. Вскоре после этого появились фильмы в

натуральных красках. Уже не помню какой системы и какой техники, но примерно с 1910-1912 года их стали показывать у нас в Риге. Правда, только в одном кинематографе -

в Верманском парке, носившем громкое название «Кино культура», что, однако, ему отнюдь не мешало после этих цветных «научных» короткометражек показывать неделю за неделей, серию за серией и «Фантомаса», и «Вампи-

Сюжеты были короткие с общим розоватым налетом и показывали белые паруса яхт. скользившие по голубому морю; разнообразные и разноцветные фрукты и цветы, которые перебирали девушки с отненно-рыжими и со-ломенно-золотистыми волосами.

И весеннее возделывание полей. Первыми личными нашими пробами в области использования цвета были очень известный от руки раскрашенный красный флаг в «Потемкине» и менее известный монтаж из резко и разно-отвирированных коротких кусков в сценах вокруг сепаратора и бычьей свадьбы в фильме «Старое и новое».

встал в 1939 году... Я задумывал фильм о Ферганском канале, как фильм о борьбе за воду, как триптих. Цветущая Средняя Азия, с великолепной системой орошения в древности...

В братоубийственных бойнях и походах Тамерлана гибнет власть человека над водой.

Пески пустыни берут верх. Нищета песчаных пустынь при царизме. Драка за лишнюю пиалу воды из арыка там, где когда-то была совершеннейшая в мире оросительная система.

И, наконец, чудо первого коллективного подвига, строительство колхозов Узбекистана — Ферганский канал, в небывалых масштабах несущий братство и благосостояние социалистической Средней Азии.

В самый канун начала работ отпали съемпервой части триптиха. Беспомощно повисла в воздухе композиция

целого. И всноре отпала вся работа в целом. Я занялся постановкой «Валькирии» Вольшом театре, где всю разработку последней картины («Волшебство огня») я посвятил исканию сочетаний элементов партитуры Вагнера с изменяющимся окрашенным светом на

сцене... Почти одновременно с работой над Вагнером мне предлагают серьезно заняться работой над цветом в цветовом кино.

Конечно, как и следовало ожидать, предложение темы шло под знаком естественной «цве-

тистости». Из наиболее цветистой и одновременно идеологически интересной и приемлемой тематики руководству рисовалась в наиболее ... ярких красках (!)... тема Джордано Бруно.

Италия, знаете... Ренессансные костюмы.

Костер... Другою темою снова была история. Цветное прошлое непременно искали на рубеже средневековья и Ренессанса.

Эту тему все по тому же признаку цветистости костюмов, как фокстерьер — туфлю в зубах, занес ко мне кто-то из референтов Комитета по делам кино. Тема эта была... чума.

Почему чума, а не холера? Черная оспа или тиф?

Впрочем, эта тема, хотя и не надолго ровным счетом на время одного графического наброска — пленила меня совсем не колоритностью, а вовсе другим.

стость» по мере разрастания чумы поглощается... черным. В другом аспекте, на другом материале эта же тема поглощения чувственного (и красочного!) богатства жизни умерщвляющей окамене-

Зуттера я хотел ставить у «Парамаунта» в Америке. И губительную роль находки на его калифорнийских землях золота, которая повела к гибе-ли и разорению его цветущих поместий и его самого, я хотел выразить через живое впечат-

ление, которое на мне оставили и посейчас еще

Как-то значительно позже в Кабардино-Балнарской республике мне пришлось попасть в горах на места только что обнаружившихся золо-Несколько кустарных колченогих вашгердов Спутник мой и проводник... наклоняется себе под ноги, загребает несколько пригоршией гряз-Комья земли положены в жестяную посудину

типа миски. Земля осторожно промывается в ритм качающейся миске. И вот внезапно на дне ее уже виднеется несколько крупинок.

Золото! Невольно кажется, что под ногами шевелит ся земля, раскрываются ее недра и сквозь грязно-бурую ее поверхность, заросшую пучками дерна, внезапно проступают миллионы за миллнонами еле заметных крупиц золотого песка

- золото! Легко себе представить людей, кидающихся плашмя на эту землю, людей, старающихся захватить ее в свои объятия. людей, опьяненных этим соприносновением с ботатством, рассыпанным под подошвами их сапог, людей, готовых убить владельца ноги, посмевшей ступить на это море золота, прикрывшегося тусклым покровом земли, людей, готовых промыть эту безнравственную и блудливо-богатую землю в горячей крови любого соперника, посягнувшего на раскиданные невидимо для глаза золотые кру-

Ноги тысяч таких безумцев топчут землю Зуттера, тысячи рук вспарывают и разворачивают ее, тысячи зубов людей, сбежавшихся со всех нонцов мира, готовы вцепиться в глотку друг другу за любой клочок этой земли. несушей в своих недрах такой странный урожай

бледно-желтого металла... Цветущий рай калифорнийских садов и пашен капитана Зуттера затоплен и смят грязны-

И Зуттер разорен... Но вот усилием воли гордый старик бросает в полчища этого нашествия многотысячное судебное дело - тысячи ответных исков в ответ на самовольно отчужденные, занятые его земли. Владения Зуттера в то время были грандиозны

и необъятны. Это на них вырос за несколько лет из маленькой миссии имени святого Франциска уже тогда большой и шумливый город Сан-Франци-

Город рос неожиданно и странно Сохранились гравюры о том, как это происходило. Бухты задыхались от обилия барж и кораблей, как сельди забивавших любое место воз-

можного причала. Корабли бросали якоря и навсегда остава лись в бухтах. Промежутки между кораблями пересекались

мостками, затем засыпались песком. На палубах вырастали хижины. В один этаж. Потом — в два. В три. Трюмы становились подвалами.

Палубы срастались между собою в улицы и переулки. Нашествие трюмов и палуб заглатывало по верхность бухт, как горы щебня - разлив зелени лугов, как таниственно шуршащий песок -

когда-то зеленый рай ныне среднеазиатских солончаковых пустынь. И вдруг в этот, цепко, как осьминог, впившийся в побережье город лодок и барж, заразой поселений въедающийся в берег и окрестные холмы, — один человек, рослый и решительный,

бросает свой вызов. И уже над Калифорнией новой тучей надвигается новая стая. Черная стая на этот раз.

Костюм адвоната пятидесятых годов состоит из длинного сюртука и высокого цилиндра_ мохнатого, какой мы знаем по портретам Линкольна и его коллег по юриспруденции. Тысячи черных сюртуков и цилиндров стаей воронов и взлохмаченных черных степных ор-

лов опускаются на город Сан-Франциско.

Готовится неслыханный бой: бой целого города против одного человека.

И третья стая — черная и жуткая по силуэтам своим среди рей и фонарей, в при-брежном тумане и черпоте калифорнийской ночи, расстилается третьим слоем по когда-то цветущим и плодоносящим землям капитана

Образ черной стан стоит живым и притягательным передо мной. Может быть, тоже потому, что в основе его живое впечатление? Где, как

становке нынче или даже до войны можно уви-

AMTERATIVE BOUNDERVOOT BA

плывя по просторам земли. Когда же на отдых идет паровоз, то встречаются снова друзья, открывается дверь в мое детство содрогается стол от удара руки машиниста, дружелюбно стаканы

- моряк сухопутный

звенят и вино зажигает глаза. Мой суровый отец находил здесь и точку опоры. и дружбу мужскую,

м мимо поселков лесных, этих маленьких гаваней

без кораблей и причалов

мчится поезп.

н полную чашу вина. Беспрестанным движеньем была его жизнь: он вставал на рассвете, его ожидали дороги, возвращался он. чтобы поспешно уехать опять,

все остальные, проводник, которого звали Хосе дель Кармен Рейес, уехал на поезде смерти в не вернулся обратно.

в день более хмурый, чем

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Понявший, кто я. поймет и кто ты, поймет, почему, отчего Несправедливосты Тебя я вот стал голод мерою голода, холод — мерою холода

Педро жязнь этой мерою мерил Педро упал бездыханным голод и холод его хоронили, и только ветер остался дома,

Я понял тогда: сантиметры шаги тараканья я километры все это жадности мера. В яму упал человек, и глаза

закрылись, глаза закрылись не видят больше того, что могло быть праздником жизни

а было только одним страданьем: холодом, голодом, вечной

перед судьбою, перед судьею, перед другими людьми, что держат в руке чернильницу или

оружне. И было так: побон сноси, копай. жорчуй копай, корчуй, снимай урожав, гвозди вбивай, древесину стругай.

в землю вгрызаясь, в жишках ее ройся, уголь хрустящий вслепую ищи; кроме того, через реки и горы перебирайся, в пути погибая, верхом скачи, корабли води, горшки обжигай и белье

CTHDAM. да так, чтобы вдруг новый, сияющий мир, и счастливым ешился и хочет стать человек, Но только не стал он,

не стал счастливым! И вот постиг я причины страданья: трон на крови, растленье свободы, родина, что не имеет защиты, сердце усталое, стон мертвецов.

никем не оплаканных и позабытых, И потерял я наивность ребенка, потому что с тех пор мне стало понятно: народ мой лишили права

и отказали ему в погребенье. Перевел с испанского м. КУДИНОВ

Повесть очеркиста ***

Стихи Пабло Неруды 泰森森

Раздумья вслух

Рачия Кочар

Отрывки из автобиографической

> Сергея Эйзенштейна 泰山等

Юбилей писательницы

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 9 июля 1960 г. JN 81

Е. Закс и н. Португалова. Послесловие В. Фрадалили.

10 ноп.

Винкарс Ф. Мираж. Роман. Перевод с английского Е. Макерова и Г. Стеценко. Послесловие С. Арутюнова. 292 стр. 9 руб. 50 коп.

Вульф Х. Солиечный бродята. Повесть. Перевод с датского Н. Крымовой и А. Сиповича. Послесловие Л. Брауде. 132 стр. 3 руб. 20 коп.

Григореску И. Кинематограф «Мадатаскар» Рассказы. Авторизоранный перевод с румынского и предисловие Т. Хаис. 119 стр. (Современная зарубежная повеллы). 2 руб. 55 коп.

Кастро З. Вспаханиюе поле. Роман. Перевод с испанского К. Наумова. 255 стр. 8 руб.

О'Мейси Ш. Пять одновитных пьес. Перевод с английского, 170 стр.
2 руб. 95 коп.

вышли в свет... издательство иностранной литературы

издильноство иностранной интегнтурн Антеос П. Улыбка Греции. Стихи, Перевод с новогреческого. 153 стр. (Современная зарубежная позаня). 2 руб. 80 коп. Арагон Л. Страстная неделя. Роман. Перевод с французского, По-слесловие Е. Трущенко. 637 стр. 18 руб. 75 коп. Вейзенборн Г. Построено на песке. Роман. Перевод с немецкого Е. Закс и Н. Португалова. Послесловие Е. Фрадкиной. 296 стр. 6 руб. 10 коп.

2 руб. 95 коп. Рассказы албанских писателей, Перевод с албанского. 295 стр. 8 руб. 50 коп.

то, что определяет собой все. А. Аграновский пишет о создателе реактивного двигателя Прохоре Бульбе: «Человек с юных лет считал себя коммунистом, он жизнь не мыслил себе вне кол-

Этот Прохор Бульба никогда не был одинок. Он всегда знал, для чего он изобретает Конкретно производственно вопрос о цвете и кто его полдержит. Но он не растворился в коллективе, кан некая безликая капля. Он ос-

Мы все время ощущаем его «жароупорный» характер. Н тогда, когда он босым приходит сдавать экзамен в Киев ский политехнический инсти тут, и когда он едет на коллективизацию. И тогда, когда проектирует первый тель. И в беде, и в неуда чах, и тогда, когда его уже считали просто чудаком. Ведь

подводили не только материал

и расчеты, а подчас и люди.

с которыми вместе проработал

годы...

Об этом сказано

тавался яркой и неповторимой

скупо, иногда обидно скупо. И все же, если не во всем порисован этот характер, то его дорисовываешь уже в своем воображении.

ную фигуру конструктора Добросклонова, которого началь ство попрекало: Пора бы вам, Виктор Петрович, сделать какую-нибудь нормальную машину». Но все дело в том, что об

этих так называемых «ноп-

Нельзя забыть и колорит-

мальных» машинах, повторив ших известные образцы (что, к слову сказать, часто бывает не только в технике, но и в литературе). Добросклонов говорил кратко: «...Не моя специальность». Именно такой человек, от казавшийся от нормального, шаблонного, от рабски тради-

ционного решения, для ното

рого новаторство - как вода

для рыбы, именно он и должен был открыть новую страницу в истории авианни Это очень здорово написано: про то, как смотрели современники на первый реактивный самолет. Вспомним на-

ши довоенные представления:

обтекаемый корпус, обычно се-Это была возможность построить фильм на том, как милая сердцу руководства «цвета-

> лостью — волновала меня по совершенно другому поводу. Так я разрешал узловую часть драмы о золоте в проекте фильма (и законченном сценарни) по роману Блэза Сандрара «Золото». Эту романтизированную биографию капита-

Больше пятидесяти работ современных американских худомков экспонируется в московском Доме дружбы с народами зарубежных стран. Американские художники прислали свои картины в дар Дому дружбы. Этот символический подарок

тепло принят москвичами — выставка, открывшаяся недавно,

пользуется большим успехом. Здесь выставлены работы уже

ТВОРЧЕСТВА

очень много друзей. Это люди разных

поколений — юные

Одни из них позна-

комились со стихо-

творениями и рас-

сказами писательни-

ны в прекрасные,

трудные годы пер-

вых лет резолюции,

HUGHHAM HOUN II B

грозное время Вели-

кой Отечественной

войны, самые моло-

дые открывают для

себя ее сборника

Инбер очень разно-

образно по жанрам

Творчество Веры

новение и мастерство».

- автобнографические повести и по-

ские миниатюры, очерки, критиче-

ские «портреты», статьи о ли-тературном мастерстве. Но если про-

честь подряд три тома ее «Избранных

произведений», станет ясно, что все они рассказывают о времени и о себе.

И не случайно, что, когда Вера Инбер готовила автобнографию для гослитиз-

датовского двухтомника «Советские пи-

сатели», она правомочно объединила отрывки из повестей «Место под солн-

цем» и «Как я была маленькая», из дневника времени ленинградской бло-

кады «Почти три года» и книги «Вдох-

Я поставил заголовком к этим замет-

нам «Цель и путь» — так называлась первая, изданная после революции инига стихотворений Веры Инбер. До

нее было три других сборника. Но если их помнят сотни, может быть, тысячи

читателей, то написанное в 1924 году на смерть В. И. Ленина стихотворение

«Пять ночей и дней» знают миллионы.

стихов к произведениям большого со-

циального смысла, созданным в прису-

щей ей очень экономной и емкой ли-

рической манере, не перенапрягая го-

лоса. Приціла потому, что не могла жить иначе, потому, что революция

дала ей биографию, помогла узнать и

полюбить своих будущих героев, В третьем томе «Избранных произ-

ведений» Веры Инбер есть написан-

ный в 1926 году очерк «Эволюция

Лебедя», посвященный замечательной

То, что довелось совершить ко-

миссару, революционному литератору

Ларисе Рейснер в годы гражданской

войны, было для Веры Инбер долгие

годы завидным и, как ей казалось,

нице Ларисе Рейснер.

недосягаемым жребнем.

нной журналистке, писатель

Вера Инбер пришла от камерных

лирические и юмористиче-

только теперь.

другие

эмы.

уж совсем седые.

Веры Михай-

ловны Иноер

нашей стране Рокуэлла Кента, интересные картины братьев Сойер, талантливые рисунки Антона Рефремье... Смотрите, в каком мощном пожатии сплелись трудовые руки! Этот рисунок Чарльза Келлера так и называется: «Брат» ство людей труда». Рядом — работа Элиса Нила «Мои 9

ДОРОГАЯ ВЕРА МИХАИЛОВНА!

Сенретариат правления Союза писателей СССР в день Вашего семидесятиле ия сердечно приветствует и горячо поздравляет Вас, большого и взыскательно р художнина слова.

го худомнина слова.

Уже полвена занимаетесь Вы литературным творчеством, отдавая все свои силы беззаветному служению советсной литературе, родному народу, строящему номмунизм. Широкие круги советских читателей знают Вас как талантливую поэтессу и самобытного прозаина, ярно залечатлевшего в своих произведениях богатство духовного мира советских людей, их вдохновенный созидательный труд и героические подвиги в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Ваша повесть «Место под солнцем», поэмы «Путевой дневник», «Пулновский меридиан», памятный всем ленииградский дневник «Почти три года» и другие произведения заслуженно снискали широкую популярность в нашей стране и за ее рубежами.

произведения заслуженно снискали широную популярность в нашей стране и за ее рубежами.

Вы всегда тесно и самым непосредственным образом связаны с жизнью, что постоянно находит отражение в Вашем творчестве. Ваш опыт в этом отночение весьма ценен и поучителен для молодых литераторов, воспитанию и росту ноторых Вы уделяете много заботы. Литературная общественность глубоно признательна Вам и за то, что свою творчесную работу Вы всегда сочетали и сочетаете с антивной общественной деятельностью в руноводящих органах и творчесних комиссиях Союза писателей.

От всей души желаем Вам, дорогая Пера Михайловна, долгих лет жизни, доброго здоровья, счастья и новых больших творчесних успехов!

И здесь необходимо, говоря о цели, которую ставила перед собой Вера Инбер как литератор Советской страны. подчеркнуть ту оценку, которую она дает мастерству Рейснер: «...она всегда старалась писать алмазным по четкости и остроте пером.

можете их тронуть рукой».

Таким был творческий метод, избранный Верой Инбер для себя идеалом. А о благородной цели, которой надлежало служить, в очерке о Ларисе Рейснер было сказано внятно: «Самым неопровержимым образом - словами, поступками, ружьем и пером - она доказывала... что революция это не гибель для таких, как она, не ущеро богатой индивидуальности, как это думают многие из ее класса, а наоборот, время рас-

мировой войны в осажденном фашистами Ленинграде Вера Инбер, участвуя в обороне великого города, пришла к тому высокому нравственному образцу. о котором мечтала. В годы войны Вера Инбер вступила в ряды. Коммунистической партии. Ленинградский дневник, известный ныне множеству советских и зарубежных читателей, она писала для одной себя. Мне хочется привести из него откровенное признание, сделанное в записи от 10 июля 1942 года. «День моего рождения!.. Я... счастлива самым высоким счастьем своей работой, которая оказалась нуж-

Иногла литературные читаются с проекцией в прошлое. Но насколько плодотворнее проектировать

Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, ленинградское лето являет собой как бы подтверждение всего, что преди нескудеющий мир

Мы вновь нацелим жерла телескопов По зологым ориентирам звезд.

Опять прославим солнца торжество, Лучистую энергию

Творчество Веры Михайловны Инбер. полобно воспевае мым ею пулковским зорким телескопам. нацелено на звезды будущего. И лучшие страницы ее прозаи-

ческих и стихотворных книг посвящены детям, завтрашним строителям самого справедливого и счастливого коммунистического общества. Мы иного размышляем о том, каким

должен быть человек этих теперь уже таких близких дией. И понимаем, что он будет прежде всего творцом, вдохновенным мастером своего дела, «...Вдохновение приходит не извне, а добывается трудом изнутри.

Без вдохновения не может быть на-

Мне думается, что выводы, к которым Вера Инбер приходит, анализируя свой многолетний лизературный опыт. может отнести к себе и тот, кто воз водит в Сибири электростанции и новые города, кто выращивает небывалые урожан, посылает в космос ракеты.

ты, доброты, юмора, они окрылены мечтой о будущем. А их цель, которую стремится,

меру своего таланта и мастерства, осуществить тель, — отразить и донести «до наших далеких потомков те могучие сдвиги в «социальной тектонике» современного общества, которые сделали человека свободным и счастливым».

Всеволод АЗАРОВ

РАЧИЯ КОЧАР

Л ИСТАЮ тетрадь «Обо всем», перечитываю записи прошед-ших лет. Большинство запи-о литературе. Беру в руки перо

Литература — картина души народ-

ной. Эта картина бледна и безгласна,

если рука мастера не владела кистью.

И она может говорить с современника-

ми и с будущими поколениями, если ее

писала десница подлинного художника.

Одно из преимуществ советской литературы заключается в том, что она

многонациональна, что в ней литерату-

ры разных народов дополняют друг

друга, замечают разные краски и от-

тенки исторической действительности,

рисуя более полную картину эпохи и

ные черты вносит в общесоветскую ли-

тературу каждая из национальных ли-тератур?

тики. Зачастую они даже не имеют верного представления о наших нацио-

нальных литературах. А ведь там рождаются и развиваются новые и интерес-

Кто, например, писал о таком приме-

чательном факте: в романах и драмах

национальных литератую прошлых вре-

мен героями и действующими лицами были за редкими исключениями

представители одного и того же народа,

всегда только данная национальная жизнь. И это естественно, потому что

каждый парод жил своей обособленной

жизнью, между народами не было того широкого взаимообщения, которое при-

нес Октябрь. Одна из новых особенно-

стей той или иной из наших сегодняш-

них национальных литератур и состоит в том, что ее герои — герон Муканова и Айбека, Абульгасана, Мележа, Лорд-

кипанидзе и других писателей — это дети многих народов. И в этом — боль-

шая правда действительности, а не дик-

тат заранее избранного писателем тези-

са. Если о нефтяниках Баку написать

роман, героями которого буду: только

азербайджанцы, то такое произведение

в идейном и художественном отноше-

нии окажется фальшивым, так как сре-

да бакинских нефтяников многонацио-

Или еще пример. Есть ли у нас та-кая работа, в которой было бы показа-

но, как воплощен образ русского чело-

века в национальных литературах, ка-

кие отличительные черты «русского ха-

рактера» подметили армяне и латыши,

назахи и украинцы, создавая образы ге-роев Октября, гражданской войны, пя-

тилеток. Отечественной войны, наших

дней? Ведь твой друг порой улавливает в твоем характере такие черты, кото-

Серьезные качественные изменения

происходят сейчас и в жанре историче-

ского романа. В этом жанре легко

удалиться от общечеловеческих идеа-

лов и замкнуться в скорлупу нацио-

нальной жизни. Иные даже полагали,

что метод социалистического реализма

бессилен, когда художник берется за

изображение далекого прошлого. Но

вот читаешь новый, переработанный вариант романа К. Гамсахурдиа «Дес-

ница великого мастера», и такого рода

сомнения исчезают. Здоровое мышле-

ние советского писателя приполняло за-

весу над гемными сторонами прошлого,

ский гений народа и осудил угнетате-

лей. Это не запоздалый суд. Он поучи-

телен и сегодня. Ясная илейная пози-

ция, ясный идейный взгляд художни-

ка на историю придали силу и красоту

его искусству. Теми же чертами отме-

мирчяна «Вардананк» и ряд других ис-

этом жанре, обычно во всех случаях отделываются стереотипной фразой:

∢такой-то, мол, увлекается историче-

ской тематикой... > Увлекается, но почему и как?.. Не пытаются проникнуть

в суть фактов, явлений, скребут лишь

произведения писателей братских лите-

Это зачастую порождает превратные

представления. Потому что отдельными книгами на русском языке произве-

дения писателей братских литератур

журналы. На их страницах

литературные

чен и монументальный роман Д. Де-

А у нас от писа гелей, рабогающих в

талант художника прославил

торических романов.

их внешнюю кожуру!

ЕНТРАЛЬНЫЕ

встречаешь лишь

ратур или вовсе не встречаешь.

рые сам ты и не приметил.

нальна.

в произведениях этих отражалась почти

Кан это происхолит, какие характер-

Над этим мало думают наши теоре-

все те же вопросы.

ее бурных страстей.

мена снова волнуют

доходят до читателей иной раз спустя 2-3 года, а порой и спустя 5-6 лет после их выхота в свет на родном языке. И читатель порой имеет право думать, что писатели в национальных республиках замечают новые жизненные явления лишь спустя 5-6 лет после своих русских коллег, что при выборе темы, а также в своих художественных поисках они проявляют мало самостоятельности. Такое впечатление может сложиться еще и потому, что в большей части переводов особенности национального стиля нивелиру-

То, что издается журнал «Дружба народов», не означает, что во всех остальных журналах не должны глубоко отражаться дружба и сотрудничество народов и литератур.

Наша всесоюзная литература, взятая в целом, больше, богаче, многограннее любой национальной литературы, взятой в отлельности, даже если это булет самая сильная и самая богатая литература. Эта простая мысль должна иллюстрироваться фактами ежедневно и перед всем миром.

Надо, чтобы работа газет и журналов в этом направлении носила характер творческий и оперативный, чтобы в нашей периодической печати отразилась подлинная картина развития многонациональной советской литературы. Эта картина показала бы, что литературы народов нашей страны развиваются, взаимовлияя, взаимообогащаясь, укрепляя взаимосвязи.

«...партия и правительство отнимают у нас и право командовать друг другом. предоставляя право учить друг друга. Учить — значит взаимно делиться опытом, Только это. Только это, и не больше этого» (М. Горький).

Советские писатели, учась друг у друга, мыслят самостоятельно и никогда механически не повторяют уже найденные литературные прие-Речь, конечно, идет о подлинной литературе, а не о той макулатуре. которая во все времена и на всех языках неизбежно наполняла книжный рынок наряду с настоящими произведениями искусства. (Кстати, так ли уж это «неизбежно» у нас и в наше вре-

Литературно-публицистическая мысль призвана помогать читателю отличать нскусство от суррогата. А это она сможет сделать лишь в том случае, если будет следить за развитием литературы по-настоящему пристально и оценивать ее с горьковской строгостью и с горьковской любовью. Мы друг дру-и с горьковской любовью. Мы друг друга не читаем или мало читаем. «изучаем» литературы на пленумах, на юбилейных торжествах, в связи с декадами. Мы, вместо дружеских бесед, приняли жанр официальных приветственных речей, который, быть может, был еще приемлем, когда мы толькотолько объединялись в одну литературную семью, но совершенно не нужен теперь, когда мы прошли уже вместе большую дорогу, когда каждая литература отдельно и вся советская лигература в целом накопили большой опыт.

АЖДАЯ из национальных лите-R ратур стала у нас сейчас по-истине всесоюзной, а многие произведения этих литератур обрели мировой резонанс. Они перестали быть собственностью только того народа, на языке которого они написаны. Эпопею казахского писателя М. Ауэзова «Абай» читают во всех концах света. Поэтессы Сильва Капутикян и Зульфия пишут по-армянски и по-узбекски, но их произведения сделались достоянием читателей десятков национальностей. На языке дагестанского поэта Расула Гамзатова говорит немного людей, но кто сочтет тех, кому внятен голос его поэ-

Все это благодаря русскому языку. Русский язык стал тем посредником, с помощью которого всему миру открылись духовные богатства множества малочисленных народов Роль русского языка колоссально возросла. Его великая благородная миссия не была еще присуща ни одному языку в мировой

Конечно, в европейских странах разные времена были, скажем, ориенталисты, которые переводили отдельные произведения восточных писателей и нитересовались их творчеством. Но все единичные явления. А то, делается в этом направлении в нашей стране на протяжении сорока с лишним лет, - могучий поток, рожденный неудержимым движением самой жизни.

Однако и у нас много важных дел еще впереди. Возьмем, например, судь. бу творческого наследия великого армянского поэта Ованеса Туманяна. Оно еще не прозвучало во всю свою мошь в переводах на русский язык. Кроме нескольких классических работ Брюсова и Маршака, других, достойных поэта переводов у нас, к сожалению, пока нет. И невольно вспоминается, что Зоя Космодемьниская в своем дневнике в ряду любимых ею поэтов называет и Туманяна. Пушкин, Шевченко. Туманян... Восторгаешься великой интуицией юной героини и думаешь: «А если бы Зоя знала оригинал. а если бы и поэмы Туманяна были переведены мастерами, подобными Брюсову'и Маршаку, ведь гений Туманяна сказался прежде всего в его поэмах»...

Пример с Туманяном — не какое-нибудь исключение. Дело в том, что, как это ни парадоксально, малоодаренные поэты вследствие перевода их стихов на русский язык зачастую выигрывают, а большие художники проигрывают. Потому что в обоих случаях переводят одни и те же поэты. чье дарование, уступая таланту крупнейших представителей национальных литератур, намного превосходит возможности поэтов посредственных. Это такая суровая истина, о которой нужно сказать во всеуслышание. Известны ведь и такие курьезные случаи, когда по-русски «звучали» даже... отсутствующие в тексте подлинника строфы из поэм и стихов.

Еще четверть века назад Горький говорил: «Не менее важно знание нами языков армян, грузин, татар, тюр-КОВ И Т. Д.> Овладев языком того или иного на-

рода, писатель-переводчик может глубже постичь своеобразную историю этого народа, его богатую литературу, лишь небольшая часть которой переведена. — его легенды и пословицы, традиции - весь колорит национальной жизни. Все это очень много даст писателю-переводчику и пойдет на пользу и национальной литературе, и русской литературе, и языку. Такого рода «агигация» не покажется ли не-

выучил армянский вообще без всякой «агитации», без чых-либо просьб

единственно лишь по велению своей поэтической совести. Конечно, не каждый переводчик —

Брюсов. Но если таким мастерам, как Брюсов, совесть не разрешала делать переводы без знания языка, то сколько же «греха» на совести иных наших со-

временников? Почти все писатели в национальных республиках — «двуязычные» писатели. Невозможно представить себе казахского, узбекского, латышского, армянского или грузинского писателя, новодил бы Пушкина и Лермонтова. Твар.

довского и Смелякова с оригинала. История и общественная жизнь сде лали для нас русский язык вторым родным языком, и мы довольны и счастливы этим. Но ответственность за нашу общесоюзную советскую литературу и культуру и уважение и благородной профессии литератора не призывают ли также и мололого русского писателя овладеть, кроме своего родного языка, еще хотя бы одним: таджикским или армянским, литовским или грузинским — хотя бы тем, с которого он преимущественно переводит.
Проблема эга — первостепенной

важности. С нескольких десятков языков на русский переводятся тысячи книг, которые передаются на суд миллионов читателей. От качества такой огромной работы зависит правильное представление о каждом отдельном авторе и даже о каждой национальной литературе в целом-

РАЗНОЯЗЫЧНОСТИ советской литературы — один из источников ее неисчерлаемого многообразия. В нашей литературе вслушиваешься и в величавое течение медлительных равнинных рек, и в грозный рев горных водопадов. рок два года существования Советского государства поназали, насколько креппой, искренней и горячей может быть духовная близость народов при наличии разных языков. Кто, к примеру, станет утверждать, что «единоязычные» американцы и англичане лучше друг друга понимают и духовно ближе друг другу. чем говорящие на разных языках народы Советского Союза и стран демократического лагеря?

А между гем среди нас самих находятся порой догматики, которые, исхоля из известного положения об «одноязычности» человеческого общества в далеком будущем, торопятся бросить клич: «Давайте это дело (дело создания единоязычного общества) начнем сеголия же».

Это, выражаясь мягко, нелепость. Однако недавно один небезызвестный философ прямо так и говорил в Баку перед серьезной аудиторией: «Раньше я знал только свой финский язык, но теперь совсем забыл его: говорю, читаю и пишу по-русски. Что же в этом ялохого? Очень даже хорошо. Лучше один язык для всех, чем несколько разных, мы к этому и идем...» Аудитория смеялась, а оратор почему-то думал, что в этом смехе — знак одобреняя его

Русский язык велик и могуч, не зная его, наждый из нас лишился бы очень многого. Но свой-то родной язык зачем же забывать, товарищ философ? Неужели вы всерьез думаете, что ничего не потеряли?.

Нет, сгроительство коммунизма библейское столпотворение, и существование различных языков не может вызвать неразбериху. И совершенно ясно, что на современном этапе построения коммунистического общества налитеннжогло эн вомыси свтрэжони эни и не затрудняет взаимопроникновения и сближения культур, а, напротив, обогащает культуру творческими заимствованиями, вызывает к жизни здоровые и красивые традиции. создает обилие форм, стилей, самобытностей. Нет смысла терять такое богат-ство. Нужно догматикам и в этом случае напомнить пословицу, приведенную Н. С. Хрущевым: «Смотриг в книгу, а видит фигу!>

Иное дело, когда один и тот же народ в силу известных исторических условий еще не имеет единого национального языка, когда несколько его диалектов еще равноупотребительны. Тогда, конечно, естественно стремление народа слить множество этих дивлектов один монолитный национальный язык. Но было бы трижды неразумно на том основании, что язык какого-либо народа еще слаб, отказываться от его укрепления и заявлять: «Давайте будем говорить, читать писать не на нашем, а вот на такомто языке, поскольку он богаче и сильней нашего».

Между прочим, сильные, могучие национальные языки также всегда нуждаются в том, чтобы стать более силь. ными и более могучими, и никогда даже, казалось бы, на самой высокой точке своего развития не останавливаются.

В СЕ ЭТО — проблемы, которые нуждаются поводу которых нужно спорить спорить, чтобы найги истину. Я так думаю, другой, возможно, думает иначе. Пусть столинутся наши мнедумает ния. Мы должны, наконец, научиться спорить. В противном случае, что же такое гворческая дискуссия? Мы привынли все наши дискуссии завершать какой-либо резолюцией-декретом, принять мнение одного и обязательно «осудить» мнение другого, когда на самом, деле осуждать-то и нечего. Инерция - страшная вещь. Выучились. и так все идет, отучиться не можем даже в том случае, когда нас обвиняют в шаблоне и в вульгаризации вопросов искусства.

Недавно, например, состоялось заседание Комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей СССР, которое назвали пленумом. Три дня говорили писатели, высказали много интересных мнений, часто противопо-ложных друг другу, об одном и том же явлении и даже книге. Все высказанные мнения давали повод для раздумий. Ни одно из мнений не заслужило ни решительного осуждения, ни права стать «основою для дальнейшей рабогы». И вот на последнем заседания пленума один писатель возмущенно заявил: «Я пять дней ехал на пленум. три дня пробыл здесь, пять дней мне придется ехать обратно. И что же получается? Возвращаться с пустыми руками? Где резолюция, чем руководствоваться?.

И после этого выступления начался спор: чье же выступление. чей доклад принять «за основу»? Понадобилось, видите ли, выступление гого или иного товарища в начестве «основы», а остальные можно, видимо, позабыть или признать «безогновательными»

Это - не стиль творческой работы, Я бы не котел, чтобы эти мои заметки были приняты «за основу». Нет, не желал бы. Я был бы рад, если бы по поводу этих заметок поспорили, столкнулись бы мнения. Пусть меня поправят там, где я ошибаюсь или выдвигаю неосуществимые требования,

Организованность - вот настоящее слово... И четкие выводы, вот они, вы

И так случилось, что в годы второй ной во время войны».

их в будущее!

вещала Вера Инбер в своей блокадной поэме. Она ясно видела цветущий

птиц и подрастающих, вопреки уничтожению, детей, обе-

...час придет. Не будет ни окопов. Ни пущечных, ни пулеметных гнезд.

ero.

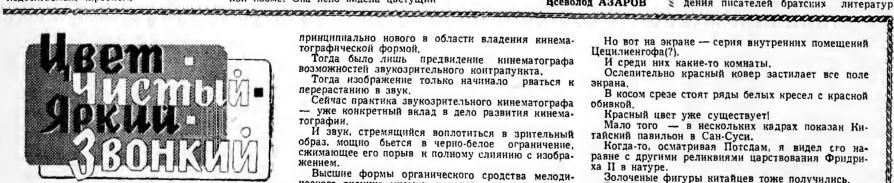
стоящей работы, плодом когорой яв-ляется мастерство, но само вдохновение в свою очередь есть результат ра-

В своей нелегкой задаче писа-

советуется тельница постоянно мудрым наставником и вдохновителем всех людей. Окрыленность и мастерство ее зрелых произведений, их долгая во многом обусловлены тем влиянием, которое на ее творчество оказал гений Ленина. Его образ проходит через многие работы Веры Инбер. Путь Веры Михайловны Инбер был

плодотворным, долгим и нелегким, он лостойно продолжается сейчас В ее книгах много солнечной тепло-

каждый советский писа-

Так. кажется, по смещению в орбитах других светил, было априори вычислено наличие Уран задолго до того, как ее увидел вооруженный сверхмощным телескопом глаз.

Что стали делать с приходом звука в кинемато-

Биографии музыкантов. Что станут делать с приходом цвета? Биографии.. живописцев

Чего не следует делать с приходом в кино и цвета, и звука?

Ни того и ни другого! А что же следует делать? Не то и не другое.

Третье Не биографию живописца. Не биографию музыканта,

Но биографию... поэта!., Так родится замысел сделать фильм о Пушкине... Затем возникает «Грозный». Потом приходит война.

Затем — победа. И из побежденной Германии приходит лавина цветовой мерзости немецкой кинематографии.

Но приходит и трехслойная цвеговая пленка И здесь начинается новая цель случайностей, повойны, подхватывающей цепь замыслов, слагавшихся о цвете еще в довоенное время...

•ОНЕЧНО, самая тоска по цвету растет непосредственно из работы над звукозрительным контранунктом.

Конечно, только цвет, цвет, еще раз цвет до конца способен разрешить проблему соизмеримости и приведения к общей единице валеров звуковых и валеров зригельных.

Когда-то, энтузиастически встречая приход в кинемагограф звука, я (Пудовкин и Александров, со мною вместе подписывавшие заявку «о звуковом кино») весьма снисходительно писал о цвете и трехмерности в кино, когорые не смогут дать ничего

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА принципнально нового в области владения кинематографической формой, Тогда было лишь предвидение кинематографа

Тогда изображение только начинало рваться к перерастанию в звук Сейчас практика звукозрительного кинематографа - уже конкретный вклад в дело развития кинема-

возможностей звукозрительного контрапункта,

И звук, стремящийся воплотиться в зрительный образ, мощно бъется в черно-белое ограничение, сжимающее его порыв к полному слиянию с изобра-

жением. Высшие формы органического сродства мелодического рисунка музыки и тонального построения системы сменяющихся цветовых кадров возможны лишь с приходом цвета в кинематограф,

Однако от общих фраз к делу. От программы к действию.

От возглашений к практике.

От тирад к истории комических и печальных, отрадных и удручающих, волнующих и радующих, а чаще огорчающих, взлетов и падений на путях конкретной цветовой работы над двумя частями во второй серин «Ивана Грозпого».

Что не случайно здесь?! И тот факт, что С. С. Прокофьев раньше меня уезжает из Алма-Аты. А пир Ивана Грозного и опричные пляски нельзя

снимать без заранее написанной и записанной музыки. И то обстоятельство, что эгот факт засгавляет перенести съемки пира и пляса в Москву. Но мало этого: Прокофьев хворает и среди необ-

ходимости закончить «Войну и мир» и «Золушку» не находит времени летом сдать мне необходимую партитуру.

Надвигается осень, и приближается зима, Готовый павильон ждет с лета. Партигура задерживается

Тем временем в Доме кино идет конференция по цвету. Нет более безотрадного зрелища, чем споры и дис-куссия о том, чего никто еще в руках не держал.

Пустота дискуссии раздражает. Но еще больше злит бесплагное и ней приложе-

ние: смотр образцов цветового гворчества американцев, немцев и тех немногих отважных, кто пытается, пасилуя довоенную отечественную двух- и трехпленочную систему, щегольнуть, хвастая тем, что и нас на экране может быть поназана и «убогая оскошь наряда», и «полдельная краска ланит».

Злость — прекрасный творческий стимул. А тут еще вдруг среди всей этой импортной пошлости ситцевого бала на экране появляется фильмдокумент.

Фильм-документ, заснятый в цвете.

«Потсдамская конференция». В отдельных своих частях фильм этот по цвету

Но вот на экране - серия внутренних помещений Цецилиенгофа(?). И среди них какие то комнаты

Ослепительно красный ковер застилает все поле В косом срезе стоят ряды белых кресел с красной обивкой

Красный цвет уже существует! Мало того — в нескольких кадрах показан Китайский павильон в Сан-Суси. Когда-то, осматривая Потсдам, я видел его на-

равне с другими реликвиями царствования Фридриха II в натуре. Золоченые фигуры китайцев тоже получились. Больше того — получились и блики рефлексов на них от окружающей зелени и белого мрамора сту-

Красное есть. Золотое получается, Черное получится, конечно. Если еще допустить, что получится голубое... Можно, пожалуй, рискнуть попробовать.

Павильон для пира Ивана Грозного стоит с лета. Пир должен врываться взрывом между темной сценой заговора против царя и мрачной сценой попытки его убить.

Почему бы этот взрыв не решить... в цвете? Краски вступят взрывом пляски цветов. заглохнут в конце пира, незаметно втекая обратно в черно-белую фогографию... в тон грагической, случайной смерти князя Владимира Андреевича от руки убийцы, подосланного его магерью с целью убить царя...

И как в стиле моем и духе, сперва — в предыду-щем цветовом эпизоде — дать наплыть черному цвету ряс на золото кафтанов опричников, черных в рясах опричников на золотого в бармах Владимира, прежде чем всей массе черных опричников черною лавиной затопить внутренность собора, в котором среди них и еще более черных их теней с еле слышным стоном захлебнется в темноте утробы ночного собора беспомощный, жалкий и вместе с тем взывающий к жалости Владимир.

ВЕТ. Чистый, Яркий, Звонкий, Звенящий. Когда я полюбил его?

Мне скучно, когда на столе не горят рядом синий и желгый карандаши, когда не красная в зеленых полосах подушка ложится на голубой диван. Когда не слепит пестротой халат.

сюзане. Или шитый монгольский узор распластывается по тускло-малиновому фону стенки, так выгодно огбрасывающей белизну картонных мексиканских эмблем «Дня смерти», и черные в кровавых ранах маски «морисок», так неожиданно перекочевавшие в полуритуальные пляски мексиканского ин-

Когда по занавескам не бегут желгые полосы, нересекаясь голубыми или перерезаясь малиновыми... И мне приятно, когда пестрая лента филиппинской вышивки зментся, ложась поперек узбексного

скромностью?., Но ведь Валерий Яковлевич Брюсов

Над гаванью город отходную спел судьбы не придумать плачевней. Но только не сказочный принц подоспел

на выручку к мертвой царевне, Нет! Не принцы и не гномы... Сами верили в одно мы. что ускорим, переспорим бег часов. Так мы горе победили. так мы спящих разбудили, так ударами кувалд

вспугнули сов. Красавица-гавань проснулась, светла,открыты морские пространства. Что — принц! Здесь — рабочего класса

здесь братская помощь крестьянства. Напи лумы и хотенья

превращаются в строенья,

в стапеля. Это сделали не мы ли? Древний город свой отмыли, в зелень вырядили, сердце веселя.

в парки, в площади, в заводы,

О, светлое утро счастливых времен! Туманов сошла пелена. Как город в красавицу-гавань влюблен. так жизнь в наш народ влюблена.

Т ЕРЕДКО кон-

французска я

«Н чают тем, с чего сле до-

вало бы начать».

илешь. шаги, словно песня, легки. шаги, Взгляните — какаж у Взгляните — какаж у какие у нас старики!
Перевел с немецкого Лев гинзбург Взгляните - каквя у нас молодежь,

Будь стар или молод, ты с нами

*HPOHHA **ЖЕЛЕЗНОГО**

— Багаж в порядие? Отлично... Проходите, друг. Рисунок худ. Франклина зяину, его повадка не пропровадет дарома.
К этой оценке присоединяется и член парламента — лейборист Драйберг, резко критикующий на
страницах «Рейнольдс ньюс» английское
правительство за то, что оно пригласило
креста» Драйберг пишет: «Почему мы про-

дет ли Кастизлья носить свой Железный крест? Должно быть, он гордится им». С каким багажом совершает свой вояж в Лондон франкистский министр, видно из рисунка, опубликованного «Дейли миррор» На чемоданах и мешках читаем: антнан-глийские выступления в газетах, преследования политических противников, фашизм, кампания против английского Гибралтара, преследования английских протестантов в

испании...
То, что хорошо видно любому непред-взятому наблюдателю, не видят правящие круги Англии. Ибо не хотят видеть, как это делал при необходимости знаменитый адмирал Нельсон, приставлявший подзор-ную трубу к отсутствующему глазу. На ри-сунке под вывеской «Дипломатическая та-можия» как раз и изображен облаченный в адмиральскую форму представитель пра-вящих кругов Англии.

«Народ Кубы готов до последней за РУБЕЖОМ: СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ мость и свободу своей страны и не ро. Это не просте слеве. События следних дней говорят о твердой решимости ку-

бинских народных масс не допустить американского вмешательства в свои внутренние дела, отстоять завоевания революции. Американские провокашантаж, экономические диверсии разбиваются о мужество кубинцев.

Враждебная кампания против Кубы ведется реакционными кругами США с возрастающим ожесточением. Им не удалось организовать военное вмешательство в кубинские дела, провалились полытки спровоцировать мятеж внутри страны. Правительство Фиделя Кастро поддержали не только кубинцы, но и трудящиеся других латиновмериканских государств. Но это не остановило «доброго соседа», а лишь вызвало еще большую ярость монополий США, лишающихся последней надежды вернуть былое.

В ход пущены отнюдь не оригинальные методы провокаций. В докладе Комитета по вопросам внутренней безопасности Национальной ассоциации генеральных прокуроров США в Сан-Франциско подчеркивалось, что «необходимо предотвратить создание советских ракетных баз и стоянок подводных лодок на Кубе и, если потребуется, применить для этого силу». Надо ли пояснять, что затасканная утка о «советских рачетах и подводных лодках» нужна авантюристам лишь как грязный предлог для подготовки агрессии?

Пока же предпринята экономическая диверсия. На днях палата представителей США одобрила законопроект, предоставляющий Эйзенхауэру право сокра-

цах, многого не дого-

варивая и не теряя на-

дежды лишний раз

одурачить против и и-

боится угроз со стороны вмерикенских импермелистов», — скезел Фидель Кастро. Это не просто слеав. События по-НЕ ПО ЗУБАМ ИМПЕРИАЛИСТАМ

тить каоты на импорт кубинского сахара. Империалисты не скрывают, что они рассчитывают этим нажимом (экономика Кубы в основном зависит от экспорта сахара) заставить кубинцев отказаться от независимой политики. «Нью-Йорк таймс» цинично пишет, что эта мера — коружие против кубинского режима». Наряду с этим американские банки отказывают Кубе в обычных кредитах для внешнеорговых операций, а нефтяные фирмы США саботируют производство горючего на принадлежащих им на Кубе заводах, чтобы помешать нормальному снаб-

жению страны нефтью. По сведениям корреспондента Ассошизйтед Пресс Джона Хайтауэра, готовятся и другие санкции, если Кастро «будет следовать враждебному политическому курсу» по отношению к Соединенным Штатам. Государственный департамент планирует призвать латиноамериканские страны к совместным действиям против кубинского правительства.

Но шантаж не достигает желанной цели. Кубинский народ защищает свой суверенитет самым решительным образом. В ответ на провокации американских империалистов правительство Кубы приняло решение предоставить президенту и премьер-министру страны право национализировать собственность, принадлежащую американским гражданам на кубинской территории.

Кубинский народ уверен, что он найдет новые рынки и сумеет окончательно сбропи экономической зависимости от США. В своем интервью редактору индийского еженедельника «Блиц» Фидель Кастро подчеркнул, что торговля с Советским Союзом и другими социалистиче скими странами открывает перед Кубой широкие возможности. А это совершенно иная торговля — взаимовыгодная, основанная на уважении кубинских интеpecos.

Господа из государственного департамента США мыслят устаревшими категориями. Когда-то им удавалось путем уг роз, шантажа, давления диктовать свою волю латиновмериканским странам. осмеливались даже — так было в Гватемале — организовывать агрессию против неугодного им режима. «Куба — не Гва-

«Семена». И это верно не только по отношению к Кубе. Любителям кгватемальских вариантов» не мешало бы вспомнить, как был встречен в странах Латинской Америки вице-президент США Никсон. Он еле унес ноги — так сильна ненависть к американской политике в Латинской Америке.

Кубинский народ сплочен вокруг правительства Фиделя Кастро. И это вызывает ярость в Белом доме. Американская реакционная печать ведет разнузданную кампанию против кубинского народа. Наиболее ретивые сенаторы требуют оккупа-Кубы. Государственный секретары США Гертер грозит представить в ООН «обвинительные материалы» против кубинского правительства. При этом президент Эйзенхауэр распинается в «дружеских чувствах» по отношению к кубинскому народу. Кубинская газета «Революсь» он» с возмущением пишет в связи с этим: «Нет, нет, господин Эйзенхауэр, кубинцы не верят ни одному слову ваших деклараций о дружбе. На штыках винтовок ваших военных моряков слишком много крови невинных. Ваши торговцы слишком много награбили; в вашей продажной печати слишком много лжи... Мы-свободный народ, и мы примем необходимые меры для защиты наших национальных интересов. Ни скрытые, ни открытые угрозы, ни прямая, ни косвенная агрессия

A CHOLAL SECTEBRITE HEC DICIALNES Смелые, справедливые слова. Они должны заставить империалистов призадуматься. Неужели последние уроки, в частности события в Ираке, Южной Корее, Японии, ничему их не научили?

JUTEPATOP

В СТОКГОЛЬМ — НА ВСТРЕЧУ СТОРОННИКОВ МИРА

В Стокгольм для участия в сессии бюро Всемирного Совета Мира отбыла делегация Советского комитета защиты мира. В составе делегации А. Корнейчук (ру-ководитель), Н. Тихонов, И. Эренбург,

Сурков, М. Котов, В. Чхиквадзе. На сессии будут обсуждены задачи движения сторонников мира в современных

ЗАВТРА ВЕЧЕРОМ В ПАРК ДЕ ПРЕНС Д АВНО уже угас дерстве в это время года, ным явлением: разницей день, не видно Копа и Фонтан — велу в также в денеми в денем в денем

солнца же оно спряталось за деревья Булонского леса. В средиземноморском порту и столице наступила ночь. И все же в поздний час нашлось много тысяч фа-

натиков футбола. Несколько слов о переживаниях тех, кто следил демонстрационными щитами в день игры чехословаков и русских. Франции и Югославии. Казалось, легко было определить победителя. Советская команда вела со счетом 3:0. Франция, судя по всему, должна выиграть у югославов -- счет 4:2. До конца двух встреч остается четверть часа. Советскому Союзу суждено было сохранить свое преимущество, но Франиспытать югославы полностью меняют положение же победит в воскресенье? тя и неожиданной. но этих гаданиях только повполне заслуженной

Нет. Французская коман- тить, что советским спортда была слишком ослабле- сменам придется столкна, чтобы мечтать о ли- нуться с одним неприят-

не видно Копа и Фонтан — веду в температуре Парижа и над Вые- щие игроки нападения Пор в Марселе. И в Пари- отсутствуют. Их не заме- ходятся уже несколько нишь с ходу.

Югославы победу только потому, что им в этом помогли фран- ду погоде - влажной, хоцузы. Но нелегко придет. лодной. Парижская публи-

сборной. Перенесемся на нескольские не пропустили в свои ворота ни одного гола. И об этом говорят, пишут, рассказывают обозреватели радио и газет. Яшин это не Ламия (вы догадываетесь, конечно, что речь илет о вратаре нашей команды, которому могли аплодировать только югославы. - так он их выручал). вся Сейчас Париж. ции - увы! - пришлось франция - я говорю о превратность любителях футбола — за-

венными прогнозами: кто и добиваются победы, чо- Я не принимаю участия в тому, что все мы умеем Итак. Франция, заняв- чем предсказывать. Мяч го. Если так и не случитшая третье место в чемпи- круглый, говорят францу- ся, как предсказало больонате мира в Швеции, не зы. и он одинаково хоро- шинство попала в финал розыгры- шо катится в обе стороны мною парижан. я их выша кубка Европы. Следуфутбольного поля. Мне черкну из списка футелли удивляться этому? хотелось бы только отме- больных пророков.

Марселя. А югославы на дней в столице Франции, они успели привыкнуть к одержали ее неустойчивой в этом го-

ся команде Югославин в ка с нетерпением ждет воскресенье, когда она воскресенья, когда она будет играть с советской снова увидит своих старых знаномых и новых. Ждет Яшина, которому ко минут в Марсель. Русскую игру. Париж любит советских игроков за их высокий спортивный дух. парижане оценили корректную. упорную футболистов из СССР, их умение мужественно переносить все невзгоды, которые поджидают команду

на поле. И все же я не удержался. чтобы за несколько минут до передачи этого сообщения не провести судьбы. В течение трех няты совершенно естест маленькую анкету среди завсегдатаев Пренс. — Кто? — задавал я самый короткий вопрос. И в ответ и чаще слышал:

Россия. WHATE OCTAPTOR опрошенных

жос лебэ

ТЬ ЛЕТ СПУСТ

пословица. Так уж повелось: коммунисты упорно рекомендуют начинать с Африка может свободной, а Алжир того, чем все равно придется кончить, нет? Сдвиги а хол истории всяний раз подтверждает

Поневоле иногда задумываешься: как могло случиться, что французы и вообще все жители нашей планеты не стетали из этого полжных выволов? Неужто большинство населения Франции, да и всего мира, составляют слепцы, простофили и люди, страдающие патологической забывчивостью? Разумеется, это не так. Благодаря тому, что коммунисты всегда первыми говорили правду. Коммунистическая партия Франции стала первой партией страны. Однако одной прозорливости недостаточно, чтобы победить предрассулки, которые всегда очень сильны, и корысть, которая еще сильнее. В конфликте с Вьетнамом кончили ем, с чего следовало начать. В течение

восьми лет позорной войны коммунисты неустанно повторяли то, что сказали в первый же день: есть только один путь к прекращению боев — это переговоры с «противником». За это коммунистов поносили и проклинали, даже объявляли участниками «преступного заговора». А в конце концов одно из франпузских правительств вступило в переговоры с теми, против кого сражалось. Как же объяснить тот факт, что, едва

разделавшись с колониальной войной, закончившейся их поражением, франпузы допустили ее возобновление в Алжире? Как объяснить, что не был услышан голос коммунистов? Ведь еще 8 ноября 1954 года они заявили: надо вести переговоры с теми, против кого сражаются французские солдаты. Тогже коммунисты указывали, что единственно возможное решение проблемы заключается в признании справедливости требований алжирского народа, стремящегося к свободе». Не-сколько позднее — 10 октября 1955 года - коммунисты провозгласили: «Алжирский народ должен стать хозянном своей судьбы». Иначе говоря, они сфорвали тот тезис о самоопределении, который глава французского государства решился произнести лишь четырьмя годами позже. А 27 апреля 1956 года коммунисты сказали: «Пытаясь отрицать очевидный факт существования алжирской нации, отказываются от возможности прийти к договоренности с теми, кто представляет алжирское общественное мнение»... Так чем же объяснить, что за эти «преступления» коммунистов поносили и проклинали, обвиняли в заговорщичестве? Чем объяснить, что газета «Юманите» была нонфискована, хотя она печатала лишь то. что впоследствии сказал сам генерал де Голль?

Дело в том, что Вьетнам далеко, а Алжир совсем близно. Во Вьетнаме французов было мало, а европейское меньшинство Алжира тем или иным образом связано с очень большим чис-лом французов. К тому же Алжир играет во французской экономике несравненно более важную роль, чем Вьетнам. И еще одно обстоятельство способствовало возникновению алжирской войны: кое-кто полагал, что подавить новый «бунт» в Алжире будет совсем нетрудно. Кое-кому не хотелось верить. что перед ними явление совершенно иного порядка — национально-освободительное движение колониальных народов. Еще пятнадцать лет тому назад Морис Торез указывал, что происходит «исторический процесс образования алжирской нации». Понадобилось, однако, много лет войны, еще больше сплотившей алжирский народ, чтобы этот факт поняли французы наименее созмательные, наиболее сильно отравленные колониалистской, иначе говоря, распетской пропагандой,

Впрочем, не надо преувеличивать степень их ослепления: в 1956 году состоялись последние выборы, которые мы можем признать действительными. В результате этих выборов в парламенте оназалось большинство, ратовавшее за переговоры. Однако социалисты вообще и Ги Молле в частности отреклись от собственных обещаний и собственной программы. Вызванное этим отречением разочарование немало способствовало успеху генерала де Голля: уж он-то обеспечит мир в Алжире, го-

ворили тогла. Мощная забастовка французских трудящихся, проведенная 1 февраля этого года в знак протеста против фашистского мятежа в Алжире, засвидетельствовала перемену во взглядах французской общественности. Все больстановилось людей, понимавших, что экспедиционный корпус, как бы он ни был силен. - а в Алжире сражается полмиллиона французских солдат, -- не полмиллиона французских солдат,—не может победить народ, борющийся за свою свободу. "И, наконец, завоевани независимости Марокко и Тунисом, сравнительно быстрое достижение известнезависимости государствами Черной Африки с очевидностью всирывали всю безрассудность упорства колонизаторов в Алжире. Все чаще и чаще можно было услышать вопрос; почему вся

ходили не только в сознании про-стых людей. И в среде крупной буржуазии существовала вивалась некая оппозиция против политики продолжения войны, войны разорительной, парализующей, бесперспективной, а следовательно, абсурдной, против войны, которая приносила непосредственную выгоду только незна чительной части французской буржуазии. Невозможно утверждать, будто крупная буржуазия привела к власти генерала де Голля. Нет, он оказался на своем высоком посту в результате путча ультраколониалистов, вспыхнув-13 мая 1958 года. Но крупная буржуазия сумела поддержать де Голля, окружить его своими ставленникатак ловко разместить их на командных постах, что правительственным нурсом фактически стал ее собственный курс. Эта крупная буржуазия стремилась к прекращению военных действий в Алжире: ей надоела война и ее последствия — шаткость экономики и военные кредиты. Однако она не желала отказываться от самого Алжира, от барышей, которые она извлекаили собиралась оттуда извлечь, в частности, от алжирской нефти. можно, крупная буржуазия действительно хотела мира, но лишь такого, который соответствовал бы ее интересам. С другой стороны, она боялась, что ультраколониалисты будут вынуждены

тив этого визита?.. Кастиэлья — извест ный всем фашист и враг Англии — в время второй мировой войны воевал в иа

время второй мировой войны воевал в иа-честве добровольща на стороне нацистов с Голубой дивизией Франко на русском фронте, и Гитлер наградил его Железным ирестом. Он написал нингу, полную ярой антивнглийской и антидемократической пропаганды... В Испании по-прежнему по-стоянно нарушаются права человека: Сел-вину Ллойду вовсе не следовало бы гово-рить с Кастиэльей, разве только об амин-стии для испансиих политических заилю-ченных... Можно не сомневаться в том, что минимум на одном официальном прие-ме все будут при орденах и медалях. Бу-

выдавить из тюбика, но вогнать назад невозможно. Таковы наиболее существенные причины — причины классового характера, в силу которых, например, были запрещены народные демонстрации 28 июня. Впрочем, вопреки запрету правительства, эти манифестации все же состоялись во многих местах, хотя они и были направлены лишь к одной цели: ускорить успешное окончание переговоначатых самим правительством. Ледо в том, что люди, стоящие у власти, хотели не мира вообще, а мира на определенных условиях, они жаждали

прекратить войну в результате вмеша-

тельства народных сил. Она боялась

этого еще больше, чем продолжения

войны, даже если вмешательство и бы-

ло бы направлено к тем же целям, что

и действия правительства. Ибо в ее

глазах народные силы — это нечто

вроде зубной пасты, которую легко

Андре ВЮРМСЕР

допустив вмешанародных тельства сил.

В этих условиях пришлось маневрировать: шаг вперед, два шага назад. лава государства, провозгласивший в 1958 году лозунг «Да здравствует французский Алжир». в 1960 году говорит об «алжирском Алжире». В 1959 году он высокомерно заявил, что вопрос об их судьбе «будет задан алжирцам, как отдельным лицам, ибо, с тех пор как существует мир. никогда не было единства Алжира, ни тем более алжирского суверенитета». (Ничего не скажешь, логично... если исходить из этого положения, сегодня не знали бы такого государства, как Соединенные Штаты Америки, - ведь в 1776 году такого не было «с тех пор. как существует мир»). Теперь президент заявляет, что «самоопределение алжирцев - единственно возможный выход из эгой трагодии». Но еще в 1958 году он говорил, подобно своим предшественникам: прежде всего нужно добиться умиротворения, а остальное потом придет само собой. Теперь же он приступил к переговорам, не дожидаясь этого неосуществимого «умиротворения».

Если только мне удалось достаточно ясно выразить свои мысли. чита-тель все поймет. Он представит себе ярость и страх, обуревающие алжирских «ультра»; не так давно с помощью армейских офицеров они привели к власти правительство, которое. как они полагают, теперь дурачит их. Читатель представит себе обстановку, в которой начинаются переговоры, и всю трудность их проведения. Люди, находящиеся во Франции у власти. само собой разумеется, что я имею в виду не префекта департамента Сена и Марна и не министра почты и теле-— эти люди поняли, что колониализм в его старой форме отжил свой век. Они поняли также, что война эта уже сейчас разоряет их, не никаких выгод. но конец ее принося будет еще ужасней. — поэтому лучше начать переговоры. Но они хотят сохранить, по крайней мере, свои привилегии. Поэтому они стремятся не стольно предоставить алжирскому правительству верные гарантии самоопределения, сколько оградить самих себя от последствий этого самоопределения. Этим объясняется, что они хотят переговоров лишь в определенных грани-

провале январского путча, предпочитают воздержаться от нового мятежа, против которого восстал бы французский народ. Вместо этого они оказы вают непрерывное давление на тех. кто собирается вести переговоры. Задача эта облегчается самим происхождением нынешнего французского правительства, наличнем в нем сообщинков и соучастников «ультра» и неискренностью тех, кто, рассуждая о «самоопределении», твердо рассчитывает, что они бу-«сами определять» судьбу алжир-Этим объясняется, конечно, относи тельный и, вероятно, временный провал переговоров в Мелене. Что же

Со своей стороны, ультраколониали-

сты, те, кто требовал войны до побед-

ного конца, в данный момент помня о

ждет нас в будущем? Я не собираюсь отходить от общего правила, требующего, чтобы уважающий себя журналист закончил статью пророчеством, уверенным по тону, но вместе с тем достаточно осторожным. Известно. что месяцем позже никто и не вспомнит о его предсказаниях, и он может не опасаться упреков в том, что делает вид. будто знает больше других. Итак, отдаленное будущее не вызывает сомнений. Алжир будет независимой страной. Ближайшее будущее тоже представляется ясным: переговоры будут успешно завершены - иного том, что для правительства, и в осо-

выхода ведь нет. Эти ли переговоры? Другие? Новые? Здесь я остерегусь что-чибо утверждать, напомню лишь о бенности для правительства авторитарного, весьма небезопасно обманы вать надежды, им же порожденные. И все же, каковы бы ни были непосредственные результаты этих первых контактов, уже достигнут бесспорный успех: кое-кто упорно утверждал, что временное правительство Алжирской Республики не правомочно представлять алжирский народ. — теперь, независимо от того, признали за ним это праве или нет, уполномоченные алжирского народа приняты французским правительством. Говорили «сначала умиротворение»: теперь этого больше не скажут. Короче говоря, кончат тем, с чего следовало бы начать

И я твердо верю... но нет, остановлюсь: того и гляди вы вырежете и сбережете эту статью, чтобы позже проверить, сбылись ли мои прогнозы.

наши интервью Два вечера с Джеймсом Олдриджем ку зрения «сердитых», которые, вероятно, есть и в других стренах, а не только в Англии. Но понять их не ОСЛЕДНИЙ раз Олдридж был

Москве три года назад. И вот он вместе со своей женой Диной и двумя сыновьями-школьниками снова в советской столице. Едва чемоданы, баулы, металлические ящички с кинофотокамерами и пленкой — все необходимое для подводных съемок на Черном море, едва все это было доставлено в номер гостиницы, как Олдриджи отправились гулять по московским улицам. - Москва хороша! Она сейчас, впро-

чем, как и всегда, дышит молодостью и энергией. А вы из «Литературной газеты»? Приятно встретиться еще с одним старым другом... Я уже привык у себя, в Лондоне, обычно после крупных политических событий или перед большим прездником получать телеграммы из вашей редакции: «Просим передать тысячу слов Москву». Кстати, почему вы не посылаете телеграммы-молнии? Пока доходит обычная телеграмма, пока соберешься с мыслями и напишешь (я ведь пишу ужасно медленно), глядишь, новое событие отодвинуло старов... Пожалуйста, посылайте мне легреммы молнии, — говорит Джеймс Олдридж улыбаясь. — Что же вас инте-

— Каковы ваши планы? Чем будете заниматься? Что писать? Миссис Дина, услышав мой вопрос, вмешалась в беседу:

— Вы знаете, что Джеймс три года не отдыхал? Это не преувеличение. Три года, как один день. С утра он садится за письменный стол или идет в библиотеку Британского музея — и до поздней ночи... На Черном море он будет отдыхать, как это делают все нормальные люди. Да,

Олдридж беспомощно разводит руками. — Ну, съемки, плавание под водой это не в счет. — продолжает Дина. — Три тысячи метров пленки о Средиземном, Красном и Черном морях ен уже отснял, и многие наши знакомые говорят, что это интересные фильмы. А сейчас он хочет более основательно заняться «кинофото-

обработкой» Черного моря... Я спросил Олдриджа:

— Название условное: «Последняя ссыл-

— О чем же написан новый роман? — О чем? На это сразу даже не ответишь... Вы помните стихи Киплинга о «Бремени белого человека»? Киплинг, как известно, отстаивал право Великобритании на «ввоз цивилизации» в другие страны, разумеется, ввоз насильственный, по справедливости именуемый колонизаторством. Что собой представлял этот «экспорт» в викторианскую эпоху и как в обмен на «цивилизацию» из Индии в Англию привозили золото, из Африки-алмазы и слоновую кость, всем хорошо известно... Так вот, мой новый роман посвящен разоблачению позора колониализма, кровавая империя которого, к счастью, сейчас рушится, освобождая народы Африки и Азии. По-моему, это одно из важнейших истерических событий нашего удивительного времени. Мне кажется, что роман будет отличаться от моих предыдущих книг...

— Чем именно? - Я считаю, что только теперь начинаю учиться писать. Я не согласен с теми английскими писателями, которые заняты только тем, что подражают классикам. Времена Диккенса миновали. Мы живем в иное время. Оно отличается необычайно бурным темпом, великим разнообразием социальных, национальных, политических событий, связанных с жизнью огромного числа разных людей. Роман органически связан с временем, его ритмом и масштабами.

Современная английская жизнь, например, весьма пестра и, добавлю, — слож-

Вот, например, сейчас в Англии много говорят и пишут о «сердитых» молодых людях. Кто они такие? Эти юноши не знали войны. Они понимают, что несет война человечеству, и выступают против нее. Но «сердитые» совершенно не подготовлены в политике и с трудом отличают коммунизм от парламентаризма. Это молодежь без надежды и цели, она игнорирует многие острые и животрепещущие проблемы современности Если спросить этих моле-

дых людей, чего они в жизни хотят, то вы услыши-те ответ: «Человечности!». Не очень ясно, не правда ли? Я пытался выяснить точку зрения «сердитых», копросто, хотя и очень важно...

Еще несколько штрихов. Многие англичане с ужасом думают о существовании американских баз на родной земле, но игнорируют острейшую проблему колоний, в частности бочком обходят острые углы судеб Африки и ее народов. Английские рабочие мужественно и стойко борются за улучшение условий жизни, против американских рук на рулевом ко-лесе английской политики. (В связи с этим мне вспоминается такое выражение: англичане идут очень медленно, но их невозможно остановить. Это, разумеется, я адресую нашим славным рабочим.) Молодые англичане в общем мало читают книг. Некоторые посредственные литераторы на американские субсидии готовят антисоветское литературное пойло и вместе с тем пытаются создать видимость объективности, потому что оболгать Советский Союз становится все труднее и труднее. Английский интеллигент, за редким исключением, не знает советской литературы, потому что ее мало или почти не издают...

К чему я обо всем этом говорю? Жизнь широка, объемна, полна противоречий. В моей новой книге не так много действующих лиц, они представляют не только разные социальные группы, но и разные народы, разные интересы, разные суждения, позиции и устремленности. Эти люди олицетворяют различные политические, социальные, человеческие черты и характеры во время недавних грозных событий на Ближнем Востоке.

...Книги Джеймса Олдриджа, столь популярные в нашей стране, издаются на двадцати пяти, если не больше, языках. Их читают с увлечением всюду. Но вот, оказывается, молодые англичане, по словам самого Олдриджа, мало интересуют-CR OFO TROPHECTROM.

- Почему? Чем и как это объяснить? — Вероятно, на этот вопрос нелегко ответить. Скажем, писатель Узйн никогда не слышал обо мне. Да, во многих крупных книжных магазинах в Лондона не держат моих сочинений. В некоторых крупных библиотеках читателю найдут мою книгу

Рисинок М. Бренайзена

только после настойчивой просьбы. Это тем более странно, что мои романы получили хорошие отзывы критики даже в США... И все же часть молодежи и так называемая интеллектуальная интеллигенция игнорируют их. Почему? Говорят, слишком много политики, много социального материала...

— Как вы относитесь к этому? — Вполне спокойно! Я не собираюсь менять свою литературную позицию. хочу и буду писать о народе и для народа. Я был и остаюсь навсегда товарищем и другом вашей великой страны, вашего великого народа.

ТАШ РАЗГОВОР продолжался два вечера. В первый день Олдридж, видимо, очень устал от обилия и яркости московских впечатлений и ощущений. Было уже поздно, и мы решили продолжить беседу завтра,

Ровно в шесть вечера Джеймс вернулс мальчиками с прогулки. Мальчишки были веселы и совсем не собирались покидать нас. Они вооружились бумагой и карандашами, поудобнее уселись стульях и тихонько занялись рисованием.

телей наших стран? - переспросил Олд-

напоминает, прощаясь, Олдридж. — Вы спрашиваете, как может развиваться творческое сотрудничество писа-

ридж. — Прежде всего английские литераторы должны знать советских писателей и читать их книги. Пока что многие из них нехотя делают это. Почему? Потому, что они отстраняются от социального содержания. Сотрудничество — это прежде всего взаимное познание. Я уверен, советские писатели знают английскую литературу куда лучше, чем мы советскую. И здесь в СССР, и у нас дома, в Англии, я встречался с Фединым, Твардовским, Сурковым, Гладковым, Маршаком, Абашидзе, Тевелевым (замечу попутно, что его книга о Верховине мне очень нравится)... Они знают нашу литературу, а мы советскую-

Джеймс Олдридж говорит о своих друзьях — советских писателях, о высокой ответственности советской литератуpы. - Счастье писателя не может соста-

вить то обстоятельство, что человек чтото пишет. Этого, увы, недостаточно! Лишь ошущение того, что людям нужны твен книги, твоя работа, что люди не остаются глухими к тому, что ты написал, и это помогло им продвинуться вперед к большой цели, — вот где рождается писательское счастье... В вашем социалистическом обществе писатель уважаем и любим народом. У нас, в Англии, он мало известен, лишен влияния. Порой английский писатель живет слишком изолированно, далеко от людей... Советские писатели — в гуще народа. Их основная тема человек в сфере свободного труда, многие же английские писатели делают вид, что на земле вообще не существует труд, тем более свободный, радостный труд. утвердившийся в вашей стране.

...Я внимательно слушаю Олдриджа открытого, прямого, искреннего и увлекающегося, смотрю на его сильные руки рабочего человека, который не понаслышке знает, как валят лес и как тащат ры-

бачьи сети.
...Томас и Вилли кончили урок рисования. Томас изобразил голову отца, посаженную на туловище из книг.

— Остроумно, не правда ли? Но Вилли нарисовал лучше. Возъмите его рисунок на память. Да, если я потребуюсь газете, пожалуйста, предупредите меня об этом молнией. Я люблю телеграммы-молнии!-

H. MAP

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 9 июля 1960 г. N 81

В. И. Толстой со своими внунами — Наташей и Илюшей Толстыми,

Агроном из Троицкого

товыставки в Музее Л. Н. Толстого в зал, где в ожидании осмотра собрались посетители, вошел ложилой мужина в просторной полотняной куртке с пояском и таких же летних брюках. Весь облик этого человека — резкие черты открытого лица, густо разросшиеся вширь брови, выгоревшие под солнцем, седая борода, которой даже на этом крупном лице было тесно, — так напоминал Льва Николаевича, глядящего на нас с фото-графий и портретов, что мы невольно переглянулись. Вот незнакомец возьмет заложит вдруг за пояс ладони, и тогда обязательно скажешь: «Вылитый Тол-

Мы ждали, что кто-нибудь сейчас все разъяснит нам. Так и случилось. Сам вошедший простодушно протянул руку одному из нас и назвал себя:

- Агроном Толстой, Так в репортерском блокноте появился адрес подмосковного колхоза «Октябрь», домик на окраине села Троицкого, где работает и живет внук Льва Николаевича — агроном Владимир Ильич Толстой.

легкий для колхозе год, когда долгов не-копилось на три миллиона рублей. На заседании правления, куда новый агроном просил пригласить всех колхозников, он рассказал, каким будет их хозяйство через пять лет. Доходов, по его утверждению и подсчетам, должно быть больше, нежели нынче долгов. Только надо всем дружно взяться за дело. Он нарисовал сад, который разобьет колхоз на огромной пустоши.

— Богу молиться не придется, — сказал Владимир Толстой, — построим свою оросительную систему — пять километров труб, Будет у нас дождь по заказушестнадцать метров вокруг, два с поло-

...Разговор о будущем села Троицкое шел всего четыре года назад. На краю се-ла в ту пору новый агроном сколачивал себе жилье. Этот домик и поныне крайний — дальше прямая стена сосен, четыре тысячи гектаров заповедного леса. Хозяин домика — человек непоседливый, беспокойный. В шесть часов утра — солнечный день или дождь — он уже обходит поле, успев поплавать, понырять, а часто и пройтись на водных лыжах, буксируемых моторкой, ловко удерживая равновесие на крутых разворотах. Вооружившись лопатой, идет он легким шагом вдоль просторного сада, раскинувшегося на сорока гектарах, заглядывает во все закоулки, пробирается осторожно меж деревьев — тоненьких, слабых, коегде еще удерживаемых колышками, но удивительно густо для третьего года жизни облепленных плодами.

— Сорок гектаров и столько же сортов, — говорит Толстой.

Сосновый лес, взяв под защиту широко открытый со стороны Клязьминского водохранилища сад, обегает его полукругом. Нам говорили, когда мы ехали Троицков, что местный агроном работает, заглядывая далеко вперед, у него интересно поучиться. Сад — это и есть школа агронома Толстого. Он никогда не

раскладывает костры, не опасается мороза, не дожидается дождя, не опрыскивает деревья, одним словом, не просит милости у природы. Водохранилище, даже в стужу, несет службу аккумулятора тепла. Когда на том берегу-минус пять градусов, здесь, где расположен сад, нулевая температура. Около тысячи дуплянок подвешено на деревьях вокруг сада. Синицы, московки, лазоревки, мухолов к и, дятлы, которых агроном приручил оберегать сад, уничтожать вредителей, не расстаются и зимой с этими приветными местами: маленьких тружениц здесь кормят. Веранда дома Толстых — всегда от-

крытый им мир.

левому крайнему тефтелю.

Шинчик...

— Н-да! — произнесла она в

гревоге, - здесь нужен сам Кув

первый космический год. С тех

пор как девятнадцать брысей

тому назад величественный

утюголет взмыл кверху с нашей

Земли, обе сестры стали рабо-

тать в ракетном корабле

под руководствим этого замеча-

тельного астронома. И мудрено

ли, что девушки, которым едва

исполнилось в то время по во-

семьдесят три года (таким стал возраст юности в XXV ве-

ке), полюбили втого стройного

красавца с космической шеве-

Вот и теперь Сема Фор рев-

ниво глянула на сестру. Она

поняла настроение и чувство

нграя нейлоновым ёжнком, ко-

торым она стирала космическую

— Очевидно, ты не принима-

ла сегодня пилюли бредицида.

Иначе ты поняла бы, что, в

сущности, не проис-

ходит инчего осо-

бенного. Наверное,

ток приближаются

к нашему утюголе-

ту... Когда курс теф-

Советы врача

Сухая кожа требует ухода. На рассвете наложите маску из расти-

тельного масла плюс два санти-грамма спирта. В полдень эта мас-

ка заменяется другой: льняной от-

вар, смешанный с медом и желтка-

ми. После обеда, протерев лицо от-

варом ревеня, приготовить вечернюю маску: белки со сметаной. На

ночь, после опускания лица попе-

ременно то в холодную, то в горячую воду, быстрыми касаньями

мизинцев нанесите слой жирного

крема, тут же, не теряя ни секун-

ды, сотрите его и быстро кладите

на лицо ночную маску из свежего

творога. Дополнительного ухода в

ночные часы не гребуется. Спите

Кандидат медицинских наук А. ДИССЕРТАНТОВА

спокойно. Но на рассвете ... (см.

туманные хвосты ву-

Светы и потому сухо сказала,

люрой салатного цвета.

пыль с тефтелей:

водья». Лошадь почувствовала свободу и легко терепрыгнула. Я устыдился своей трусости и готов был избить собя в ту «Кто же должен был прыгать, — спросил Лев Николаевич, — ты или лошадь?»

Говорил он мягко, смотрел на меня внимательно, словно хотел заглянуть мне в душу. «Лошадь, — ответил он за меня. — Верно? А ты подумал только о себе». — Дальше мы ехали уже рядом, и на сердце было легко.

...Вдали послышалась барабанная дробь, звук пионерского горна.

— Пришли шефы сада; — сказал агроном и поднялся навстречу детям. Терпкий ветер бил в лицо. Агроном сказал, что ветер пахнет сорокв сортами

А. ЛАЗЕБНИКОВ

Внук Льва Николаегам знает жизнь, миликого деда. Он и хо-рошо помнит его. Мы

спрашиваем, писал ли он что-нибудь о своем деде, сохранились ли у него

— Нет, не писал, все собираюсь. Это

эпизоды детства, дни, проведенные в Яс-

ной Поляне в ту пору, когда мне было десять—одиннадцать лет,—более полуве-

И Владимир Ильич Толстой рассказал:

вич. Со щемящим сердцем я наблюдаю

за ним-он очень слаб, все мы знаем

это. Дедушку стараются не отпускать

одного. Но сладить с ним не просто — он никого не берет в провожатые, если

знает, что посланы они стеречь его. Прошло еще несколько дней. Я на сво-ей лошадке сопровождал Льва Николае-

виче. Он тоже был верхом. Дедушка

делал вид, что не замечает меня. Так

мы и ехали по тропинке, уводившей в

поле, а дальше — в лес. Я не ус-

тился по ту сторону овражка. Я же

в нерешительности остановился. Де-

душка оглянулся и сказал: «Брось по-

пел заметить, как Лев Николаевич

— По тропинке идет медленно, мелким

не глядя под ноги, Лев Николае-

какие-нибудь воспоминания.

Агроном В. И. Толстой с одним из своих пернатых друзей. Фото А. Лидова

Ты не сделаешь этого шага, Лида! Я думаю все свои силы отдать

на благо церковным делам... В глубине души я допускаю существование бога...»

Когда в наше время слышинь такие слова, да еще от восемнадцатилетнего человека, - берет оторопь.

Маленькое письмо, полное смятения,

под которым стояла подпись «Лида», было опубликовано в «Литературной газете» 5 марта нынешнего года. И вот на помощь никому не извест-

ной восемнадцагилетней девушке, обратившейся с такими словами в редакцию, спешат сотии людей. Передо мной груды писем, прислан-

ных этими людьми. Какие это удивительные отклики! Как горячо в них выражено атенстическое единодушие и не менее единодушное стремление спасти Лиду от грозящей ей беды! «Я верю, Лида, что ты не сделаешь

этого страшного шага. Вспомни, что гы живешь во второй половине XX века, а не в XV, и сейчас наши силы нужны совсем не церкви.

Только не спеши! Посоветуйся с человеком, которого ты очень уважаещь, кому во всем веришь. У меня такое чувство, будто моя сестренка попала в беду и если бы я могла, я бы приехала тебя выручать».

Это пишет Ф. Газизова из Казани. А вот строки из другого письма:

«Жизнь моя была куда тяжелее и обиднее, — иншет Лиде В. Н. Тимофеева из поселка Комсомольского Куйбышевской области. - Но я не потеряла оптимизм и веру в людей, а главное, самое главное, - веру в счастливое будущее человечества.

Мне 61 год, во я не хочу твоих молитв — отказываюсь!.. Если бы мне на старости лет не было куда деваться, я и тогда бы не обратилась к религии». Таким воинствующим, убежденным

отрицанием религии звучит абсолютное большинство писем читателей старшего поколения. — о Лидиных сверстниках не приходится и говорить.

«Нас очень интересует, что толкнуло Лиду пойти на такой пугь — толь-ко ли вера в бога? Мы тоже недавно ко ин вера в сога: по окончили 10 классов, работзем на про-изводстве, и такие мысли, как у Лиды, нам никогда не приходили в голову».

Это письмо подписали четыре подружки: секретарь-машинистка Нина Рябухина, воспитательница детского сада Валентина Шпанова, лаборантка Евгения Журавлева и техник-строитель Людмила Угрюмова.

Серьезным раздумьем и дружеской тревогой за Лидину судьбу наполнено письмо эстонской студентки из города Тарту Вирге Наабер.

«Для меня, как и для монх товарищей, не существует такого вопроса, что где-то «в глубине души» можно допускать существование бога. Где он, этот бог? Каким образом он помог людям в труде, как он помог Лиде в жизни, что она решает служить сму? Лучие всего, если бы Лида нашла себе какое-нибудь занятие. Только тогда, когда молодой человек бездельничает, могут прийти в голову такие замыслы, Прошу, передайте мое письмо этой несчастной девушке. Пусть она знаст, что о ней, думают, желают ей добра Нельзя же допустить, чтобы человек губил себя!..»

Пришли в редакцию и письма людей, недовольных тем, что газета обнародовала письмо Лиды. Таких писем ничтожно мало - всего нескольно штук. И даже в фанатической неприязни их авторов к нашему советскому атенаму проскальзывает здравый смысл в оценке Лидиного намерения. Вот, например, что пишет Лидия Томко, сожалению, не сообщившая релакции своего адреса:

«...Лида эта какая-то странная, неправдоподобная. Кончила 10 классов, и что - ей негде работать, учиться? Пожалуйста, дорога открыта всем. Но в данный момент она не работает, лодырничает. В то же время она мечтает «все свои силы отдать церковным делам». Каким же это церковным делам, интересно? Стоять за ящиком и продавать свечи, или ходить с тарел-кой, или быть уборщицей в церкви? Ведь она не мужчина, чтобы пойти учиться в семинарию и стать свищенником. В монастырь собрадась? Кто это поверит, чтобы девчонка отказалась от кино, театра, веселых развлечений и замужества?.. А может быть, она ищет легкой работы? Скажите ей. что в монастырь идут твердо убежденные люди, а не легкомысленные девчонки, которым от нечего делать лезет в голову всякая блажь...»

Захватив с собой большую пачку писем, я еду к Лиде, готовая к любому варианту. Накая она, эта Лида? Быгь может, я встречу одну из тех экзальтированных кликуш, которые по причине патологических отклонений в своей психике представляют для религиозного фанатизма наплучший материал. Или безропотную святощу — хилый цветок, задушенный воспитанием деспотически религиозной бабки, так и оставшейся жить в прошлом столетии. Или натуру нигилистическую, так часто идущую к познанию и признанию общепризнанных вещей свойственным юности сложным путем всевозможных отрицаний...

Но обстоятельства сложились так, что вместо одной я встретила сразу трех девушек, к которым привели меня ниточки, протянутые от Лидиного письма. Вот они сидят передо мной, немножко испуганные приездом коррес-пондента из Москвы специально к ним, таким, казалось бы, неприметным, таким затерявшимся где-то в Старых Кленах со своими девичьими раздумьями.

Одна — обаятельное, но плутоватое восемнадцатилетнее существо, слегна кокетничающее этой своей обаятельностью и всем сердцем стремящееся навстречу самой безоблачной жизни, какую только возможно заполучить на нашей планете. Окончила среднюю школу, но в колхозе работать - не очень то охота: родители пока еще в достатке - кормят...

Другая — как полевая ромашка. Эго первое, что пришло мне в голову, когда на меня взглянули ее слегна удивленные, широко и доверчиво распахнутые навстречу весеннему солнцу, лю-дям — всему! — голубые глаза.

Вот уже вгорой год, окончив семилетку, она (в семье нужна помощь) работает колхозным почтальоном. Зиму и лето, весну и осень - каждый день в любую погоду шагает с полной сумкой за плечами по знакомым дорогам и тропам. От деревни - к деревне, от дома - к дому связывает жителей своих родных мест с огромным миром эта задумчивая круглолицая де-

А вечерами допоздна читает с подружками свежие газеты и журналы, полученные на почте для очередной, утренней разноски подписчикам. До чего же удивительно — сколько дивных дел творится на земном шаре! И как только газеты узнают обо всем? Чудеса! Вот бы пройтись хоть разочек со своей почтальонской сумкой по всей земле — от края и до края. Заглянуть бы в каждый дом, прикоснуться ко всем человеческим судьбам и выбрать для себя самую завидную!

И, наконец. — третья. Эта еще совсем девчушна, кончает десятый класс. Как учится? Да так себе — на тройки. «Зачем больно стараться-тодальше колхоза ведь все равно никуда не денешься!» Сказала - и смотрит на меня с искрами вызова в черных глазах: ждет, что я отвечу.

Но я уже знаю — это не ее слова, не ее мысли. Ей живется сложно в семье. Родители — пожилые, малограмотные, религиозные люди, им и невдомек, какую смуту сеют они в душе дочери свобрюзгливой неприязнью к новому. Куда ведь легче взыскивать по векселям, чем их оплачивать. И они взыскивают, не скупясь, — претензий у них к обществу много. И при этом ничуть не задумываются, что и сами перед обществом в долгу. Они мешают, активно мешают школе, комсомолу воспитывать их дочь. И вот передо мной сидит девочка с вызовом в глазах и смятением в душе. Всем сердцем устремлена она будущее - вот недавно вступила в комсомол, вступила с волнением, с корошими мечтами и замыслами. Но временами это будущее представляется ей, как солнце во время затмения, - подернутым темной, тревожащей тенью. Чтото будет, когда окончит она школу? Может, и правы родители - к чему было учиться десять лет, если ожидает ее в лучшем случае работа на овцеферме? Может, и впрямь бабки-то жили проще, покорно молясь богу и не смущая душу излишними знаниями? Да. еще нет-нет, а принесет кто-нибудь в дом такое:

- В монастырях, говорят, жизнь спокойная. Да и сытная! Свои сады, земельные угодья... Рукоделью обучают — монастырские-то рукодельницы на весь мир славятся!. Идите, девки, в монастырь, все равно не дождетесь ни женихов хороших, ни жизни по серд-

Пока дознаются вот эти три сидящие передо мной девушки, что основой подобных слухов может служить тот простой факт, что ведь и монастыри нуждаются в молодых рабочих руках. чего доброго, наденут на себя черную рясу...

Кан важно не дать прорасти такому зерну сорняка в неустоявшихся юных умах! Нак нужно сейчас этим девушкам, глубоко человечное, дружеское «плечо» коллектива! К сожалению, об этом редко думают не только комсомольцы, но и более ответственные за воспитание и опытные в этом смысле люди — школьные педагоги. Порой склонны они осудить, «проработать», взыскать со своих подопечных «за идеологическую неустойчивость» («Ведь ты же комсомолец!»), чем объективно, по-варослому, памятуя, что и сами когда-то были юными, разобраться в том, что происходит с человеком.

Не потому ли одна из этих трех решила лучше обратиться в газету, чем открыть свое душевное смятение здесь,

на месте, в своем родном А. БАЖАНОВА доме. Да, к счастью, в дан-0

ном случае мне довелось столкнуться именно с душевным девичьим сиятением, а не с религиозным фанатизмом, от которого излечить груднее. Но ведь могло быть и хуже!

Которая из трех Лида? Имеет ли это значение? Вопрос, поставленный в письме, волнует всех. Да и только ли их? Везде, где юности живется, как в Старых Кленах, до убожества скучно. гнездится то, что норовит сбить ее с

Неприютный клуб-сарай при сельсовете с единственным атрибутом, символизирующим его деятельность, — кинопередвижкой. Заброшенная библиотека в несколько сот книг, куда даже библиотекаршу хорошую не потрудились подобрать. Словом, уровень культработы — далеко отставший от уровня развития, от потребностей местного населения, особенно молодежи. Как тут не попасться со скуки в те-нета церковников или сектантов. Тем более, что атенстической пропагандой здесь и не пахнет!

Долой, долой монахов, Раввицов и попов! Мы на небо залезем -Разгоним всех богов ...

Это песенка моей безбожной молодости. Примитивно? Да, Грубовато? Может быть. Но зато насыщено страстной непримиримостью к религии.

Думы о Лиде возвращают меня к тем временам, когда мы откровенно, со всем комсомольским пылом боролись против церкви и церковников. У нас, воинствующих безбожников-комсомольцев, были лидеры — воинствующий безбожник-большевик Емельян Ярославский, пролетарский поэт Демьян Бедный, свое безбожье мы оттачивали, шлифовали, слушая блестящие диспуты двух великоленно эрудированных противников — наркома просвещения Луначарского и митрополита Введенского. Не стесняясь, с открытым забралом вели мы атеистическую пропаганду. Нет, не так: мы открыто сражались против бога. Он был нашим противником, этот бог, наши с ним взгляды были несовместимы, и наши дороги разошлись навек. Отвоевывать у церкви приверженцев веры и привлекать их в свой лагерь стало делом нашей комсо-

Но время идет и вносит во все свои поправки. Нашлись у него поправки и к нашему безбожию. Сброшена в архив истории не очень-то делинатная сенна про монахов и попов. Терпимее мы стали к чувствам и обрядам верующих, лояльнее к действиям церковни-

Что ж, согласиться с такими поправнами времени — долг сильных! Но означает ли это, что изменились принципы взаимоотношений между нами и религией? Нет, конечно, они остались прежними и неопровержимыми.

Однако не слишком ли уступчивы мы стали к богу? И не уграчиваем ли порой ощущения своего права на активную, повседневную и воинствующую антирелигиозную пропаганду — такую же активную, повседневную и воинствующую, какой является пропаганда религиозная?

За последние годы восстановлено не мало старых церквей. Они живописны, эти церкви и церквушки, - слов нет! Оживают прелестные пейзажи Левитана, возрождаются образцы русского церковного зодчества с таким, надо отдать справедливость, высоким вкусом вграненные в оправу окружающей природы. Но можно ли забывать о том, что каждый из этих «драгоценных камней» старины, вылупившись из строительных лесов и оградив себя охранной табличкой, удостоверяющей век рождения храма и его, по причине древнонеприкосновенность, вступает в строй действующих очагов религиоз-ной пропаганды? И что наша прямая обязанность - противопоставить им свою полноценную и достойную атеистическую пропаганду?

«Нельзя считать в наше время чемго существенным химические опыты с «обновлением иконы» или «слезами богородицы», которые демонстрируются учителями химин на школьных вечерах и в химических кружках, -всегда одни и те же, чрезвычайно узко и косвенно задевающие служителей культа и вовсе не затрагивающие самой идеи религии, — справедливо пишет в своем отклике на Лидино письмо читательница «Литературной газеты» Е. И. Богодарова. — Современные священники проходят в семинарии многообразную подготовку. Их образование не состоит только в изучении обрядов. Они изучают науку красноречия — риторику, их учат возражать безбожникам, отражать их нападки. А мы сидим и ждем, Чего? Чтобы на дереве больше рагвелось гусениц? Не пора ли и нам открыть в гуманитарных вузах отделения, где бы готовились высокообразованные агитаторыангирелигиозники? Чтобы не было у

HOTHIATA 3 ET 61

нас кустарных, на посмешище людям, выступлений против эрудированных церковников».

Это очень верно. Время требует высокой эрудиции от наших пропаганди-стов атеизма. И не только в аудитории городской интеллигенции — в лекториях обществ по распространению знаний, например, но и на трибуне колхозного клуба. Ведь мы же так далеко ушли от тех времен, когда на крестьянские сходки собирались люди совершенно безграмотные, для которых слово просто грамотного уже имело вес. Теперь в деревню с одной элементарной грамотностью и ехать не к чему — деревня сама поголовно грамот-на. И тот, кто хочет поучить чему-то этих грамотных людей, должен быть высокообразован и эрудирован в том, чему он поучает.

«Мы все не верим в бога. Мы верим, что и ты, Лида, откажешься от своих планов».

Эту категорическую декларацию прислали Лиде маленькие атеисты - 35 пятиклассников 376-й ленинградской школы.

Их атенэм унаследован от старших поколений. Как цвет волос. Нан черты лица. Как родинка над левой бровью — совсем как у отца, у матери, у деда. Нас это радует — мы узнаем в малышах свою кровь. И мы не можем позволить, чтобы эту кровь портили,

> ИТЕРАТУРНЫЙ ОТКРЫТ по субьотам МУЗЕИ

К СВЕДЕНИЮ ПОСЕТИТЕЛЕЯ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ Сегодня мы предлагаем вашему вниманию работы наших двух научных сотрудников. Винтор Ардов выступает с отрывном из антинаучно-фантастического романа. Наталья Ильина знакомит с листками календаря для женщин. Кроме того, мы продолжаем сегодня демонстрировать ответы старого русского журиала «Сатиринона» графоманам.

(ОТРЫВОК)

..Мощные тефтели трепетали. Яркие молили бирюзового цвета пробегали по экранам и системе проводов этих чутких аппаратов.

Дежурная тефтелистка Сема Фор молча показала движениями своих пушистых ресниц на эту световую бурю своей сестре Свете Фор. Обе девушки быан банзнецами и по рождению, н по профессии: в маленьком коллективе астронавтов они были тефтелистками.

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ЖЕНЩИН

Торжественные даты (Образец календарной биографии)

Сегодня исполняется двести лет со дня рождения (вставляется имя великого композитора, художника или поэта).

Гений рос мечтательным и болезненным ребенком. Он чуждался детских игр и забав своих сверстников, выражая желание общаться с простым народом. Картины родной природы, в частности река и прибрежные кусты, окружавшие поместье родителей, наложили на душу ребенка неизгладимый отпечаток и впоследствии отразились в его бессмертных произведениях.

Личная жизнь великого (компо-зитора, поэта, художника) сложилась неудачно. Произведения его, опирающиеся на народную основу, не были поняты представителями знати. Гений умер в бедности.

Дореволюционная критика ошибочно рассматривала произведения великого покойника как трагедийные. Это не так. На деле эти произведения пронизаны светлым оптимизмом. Особой силы оптимизм покойника достиг в его знаменитом «Похоронном марше», ном жизнерадостной бодростью,

Света Фор приблизилась к телям задан на алямовон, в

чего удивительного... — Не скажи, — ответила Света. — Посмотри на среднюю щи-И нескрываемая тень большо- колотку центрального тефтеля: го чувства затуманила на сеона сигнализирует малый ихм. кунду светлые глаза ученой А что, если вто перерастет в тефтелистки. Да, Света Фор большой ихм?...
— Да, что будет тогда? —

втих голубых вигзагах нет ни-

- Да, что будет тогда? внезапно спросна сестер веселый и так хорошо знакомый им голос Кува Шинчика. Великий астроном стоял у

большого уранового гундосомера и привычным взглядом осматривах показания приборов. Сестры потупили глаза и умолк-AH.

И тут застрекотах спрятанный в пластмассовом футляре телетяпляп... Кув Шинчик раскрыл футаяр и потянул нейлоновую ленту, на которой возникали буквы далекой депеши, передаваемой с нашей милой планеты. Радостная улыбка занграма на его устах.

— Все понятно! — восканкнул Кув.-Это не вутки и не ихмы! К нам приближается контейнер с жидкостью Андрона, которую нам отправила торговая база № 7 для поддержания механизмов утюголета. Ура! Я уйду к себе, чтобы сочинить ответ с благодарностью базе, а вы выпускайте уловители левого сектора, чтобы перехватить контейнер на лету...

из истории PYCCKOTO HOMOPA РОВНО. — Л. Л. M.

«Когда я пишу, во мне сидят два человека.... И оба безграмотные.

ПЕНЗА. - БУРЛАКУ. — Вы пишете: «По обенм сторонам улицы стояли дома...» Дьявольски тонкая наблюдательность! Ст. ГРИШИНО. — Д. Н.

— «Сндя с Владимиром под деревом, она пылко обнимала его...» Это, может быть, и было, но только в том обхват, а Владимир не ревнив.

петербург. — С. д. к. - «В своих стихах я преследую, главным образом, красоту образов и рифмы...» Так их преследуете, что

они, запуганные, совсем сбежали. ПСКОВ. - ЗАУРУ.

Яблоко не может, как вы говорите, делиться на три половины; самка ежа называется не ежица, а в крайнем случае — ежиха; пыль «приседать» не может.

И вообще — что вам от нас угодно? ЗДЕСЬ. — ЗЫБКИНУ. — У Зыбкина свои выно-

шенные образы: ...У моей любимой крошки Всего-навсего две

ножки... Так мало?.. И вы еще не разочаровались в женщинах?!

в пространство. -АКУЛЕ. — «Если и этот рассказ

не подойдет — тогда я умываю руки!».

- Судя по внешнему виду рукописи, к этому вам нужно прибегать ежедневно!

Сведения, необходимые каждой женщине

Самка тропического окуня «хаплохромис вульгарис» растит своих малюток, держа их во рту. В этот период своей жизни самка жертвенно отказывается от глотательных движений во имя сохранения жизни своего потомства.

Культура поведения в быту Зеван, прикрывайте рот плат-

ком. По желанию зевающего пламожет быть пропитан ароматическим веществом, как то: духи, одеколон. В случае отсутствия платка годится тыльная сторона ладони. Производя зевок, избегайте вою-

щего звука, а также лязганья зу-

Главный редактор С. С. СМИРНОВ,

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ. В. А. КОСОЛАПОВ (ЗВМ. ГЛИВНОГО редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУхин, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.